

Алексей Иванович Дьяченко

СЛОВЕСНИК

Алексей Дьяченко

Словесник

«Издательские решения»

Дьяченко А. И.

Словесник / А. И. Дьяченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900755-1

Герой романа «Словесник» — филолог Сергей Сермягин. Сложные взаимоотношения с женой и дочерью, влюблённость в соседку, уход за больной матерью и контры с отцом и братом. Новая работа и новые соседи. Поиск смысла жизни. Место действия — город Москва. Время действия — конец двадцатого века.

ISBN 978-5-44-900755-1

© Дьяченко А. И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Таня	7
Глава первая	7
1	7
2	12
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвёртая	28
Глава пятая	30
Глава шестая	37
Глава седьмая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Словесник

Алексей Иванович Дьяченко

© Алексей Иванович Дьяченко, 2017

ISBN 978-5-4490-0755-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Прошедший день, седьмое сентября тысяча девятьсот девяносто восьмого года, стал самым счастливым днём в моей жизни.

После полуночи прошло пять часов, скоро рассвет. Я сижу на кухне за круглым обеденным столом и пишу эти строки. Заканчиваю почти что сказочную историю. Повествование моё торопливо и сбивчиво. Спросите, зачем нужно было спешить? Всему виной совершенное отсутствие времени. С минуты на минуту на кухню придёт кошка Соня и попросит завтрак. Из комнаты выйдет племянник Максим в спортивной форме, приглашая к пробежке на берег Москвы – реки.

Понимая, что другой возможности может и не представится, рассказ я написал за одну ночь. Для удобства разбил его на две части. В первую поместил события, случившиеся в тысяча девятьсот девяносто третьем году, а во вторую всё то, что произошло впоследствии.

Тешу себя надеждой, что не без пользы проведёте время, перелистывая страницы моего изложения.

Искренне ваш, Сергей Сермягин.

Часть первая. Таня

Глава первая Сорванцова. Боев. Медякова

1

Подходя к дому, я обнаружил, что потерял ключи от квартиры. Со мной такого раньше не случалось. Мелькнула мысль, что это к переменам. Хотя какие это могли бы быть перемены, мне даже и в голову не приходило. Моя жизнь, подобно реке, текла по давно проложенному руслу и будущее, как казалось, было расписано на сто лет вперёд. Даже крушение страны и изменение строя с социалистического на капиталистический не внесли существенных корректив.

На улице хозяйничала весна, гремели водосточные трубы, барабанила капель, сто тысяч солнц смотрело на меня из луж, витрин и окон. Несмотря на досадную неприятность, утрату ключей, настроение было превосходное. Я зашёл в овощной магазин, рядом с домом. Жена собиралась тушить рыбу и просила купить морковь. На витрине все корнеплоды, как на подбор, были размером с пушечный снаряд. Подумав, решил здоровьем не рисковать и собрался было уйти, но почему-то задержался.

В это время сутулую невзрачную продавщицу в сером заношенном свитере, больше похожую на чумазого подростка, сменила статная красавица в белом халате. Это была Любовь Сорванцова, моя соседка по лестничной площадке. Увидев Любу, я невольно улыбнулся.

Покупатель, которого отказалась обслуживать ушедшая женщина, без задней мысли сказал сменившей её Сорванцовой: «Буду у вас первым». Люба посмотрела на него долгим проникновенным взглядом, после чего погрузилась в воспоминания. Не заботясь о том, что её ждёт очередь, покупатели, она бездумно взяла в руки баклажан и, обращаясь к «первому», произнесла: «Надо же, какой твёрдый». Она сказала эти слова таким голосом, что все взрослые люди в очереди покраснели. Заметив меня, прямо через прилавок, соседка протянула руку для рукопожатия. И когда в ответ я подал свою, то она схватилась за неё так крепко и держалась, не отпуская, так долго, что мне стало неловко. В поведении Любы наблюдалась болезнь и, видя это, никто из очереди не решался одёрнуть продавщицу, вступив с ней в пререкания.

Дома, как того и следовало ожидать, никого не оказалось, все были на работе. Я вышел на улицу и стал наблюдать за тем, как Родион Боев, гражданский муж Сорванцовой, кормит у скамеечки дворовых кошек. Благодаря заботе и щедрости Родиона Борисовича, у подъезда постоянно собиралась целая команда этих ласковых и безобидных животных.

У Боева, все это знали, было два «бзика»: он любил поговорить о научных открытиях и о своей «весёлой» супруге, которую боготворил и ласково называл «жёнущкой». Все разговоры соседа были только об этом. Боев познакомился с Любой три года назад, находясь в командировке.

Надо заметить, что поездки «в провинцию» не входили в обязанности Родиона Борисовича, но сотрудник их головного предприятия, постоянно мотавшийся по многочисленным филиалам, заболел, и у начальства не осталось выбора.

Пообещали, что жить он будет не в общежитии, вместе с другими командировочными, а на квартире у порядочного, зарекомендовавшего себя с хорошей стороны, производствен-

ника Николая Сорванцова. И что отлучка из Москвы не продлится долго, максимум три дня. Боев поехал.

Николай Сорванцов, встретивший его в своём городе, на вокзале, сразу же осведомился, привёз ли москвич спирт.

Сам Боев к алкоголю был равнодушен, но руководство снабдило его в дорогу «средством для протирки оборудования», намекая на то, что придётся улаживать производственные вопросы и благодарить за оказанную помощь.

И вот, ещё никакой помощи оказано не было, а прогнозы руководства сбывались, к спирту проявили интерес.

– Привёз, – неохотно сознался Родион Борисович, – но до завода я открывать канистру не стану.

– Канистру привёз? – не веря своим ушам, переспросил Сорванцов, глаза у которого засверкали, как звёзды на ночном южном небе.

– Да. Но она небольшая, всего пять литров.

– Дорогой ты мой человек. Не носи ты её на завод, послушай меня. Давай сделаем так. Отольём из канистры две литровые бутылки, с ними ты и пойдёшь к начальству. Поверь мне, этого им за глаза хватит.

Не давая Боеву подумать, Сорванцов подхватил его под руку и увлёк за собой. Жил он рядом с вокзалом и через десять минут спешной ходьбы они были уже на месте.

Дома, по-хозяйски используя воронку, Николай наполнил спиртом две литровые, словно заранее заготовленные, ёмкости и вручил их Боеву.

– А это сокровище я припрячу на улице, – пояснил хозяин, закрывая канистру с остатками, – чтобы жена не видела.

Когда дело было сделано, Боев с Сорванцовым отправился на завод. Суть командировки была проста: Родион Борисович должен был наладить расстроившееся оборудование. В случае невозможности отремонтировать приборы на месте, – оформить и подготовить их к отправке на головное предприятие.

То, на что ему отпустили три дня, он сделал за пять минут. У одной «стойки» заменил предохранитель, у другой – плату в блоке.

Если бы он был женат и хотел отдохнуть от семьи, то оставшиеся два дня мог бы провести на рыбалке, которую ему предлагало руководство филиала, ошастливленное двумя литровыми бутылками. Но Родион Борисович попросил закрыть ему командировочные документы и даже успел купить билет на завтра, на утренний поезд в Москву.

«Всё! Остаётся скоротать ночь у Николая», – думал Боев, шагая с Сорванцовым к нему на квартиру, – «и сесть на семичасовой поезд».

Мысленно он находился уже дома.

Такое настроение оставалось у Родиона Борисовича до тех пор, пока он не увидел хозяйку. Люба Сорванцова была очень красива и понравилась Боеву.

Николай, её муж, показался Родиону Борисовичу человеком хорошим, но слабохарактерным. К тому же на заводе намечалось большое сокращение, и Сорванцов был в числе тех, кого намеревались уволить, что хозяину квартиры настроения не улучшало. Видимо, поэтому до того, как войти в подъезд, Николай из горлышка выпил бутылку разведённого с водой спирта. Покурив, он ещё одну осушил прямо у входной двери.

В огромной, с длинным просторным коридором, квартире была только одна свободная комната, в которой Сорванцов проживал вместе со своей супругой. Все остальные комнаты, их в квартире было много, были опечатаны.

Николай представил Родиона Борисовича, как прикомандированного сотрудника и сел за стол. Хозяйка подала варёную картошку и квашеную капусту. Пригласила гостя к столу.

– Смотри-ка, даже клюкву в капусту для красоты насыпали, – засмеялся Сорванцов, – всё делают для того, чтобы продать.

– Клюкву добавляют не для красоты, а чтобы капуста не плесневела. Так сказать, природный антибиотик. Кислота убивает всё живое, – пояснила Люба.

– Видишь, Родя, какая жена у меня учёная. А я, помню, в школе абсциссу с абсцессом перепутал, оговорился. Так училка на мне отыгралась. Учёность свою продемонстрировала. А я нарочно хотел её позлить. Из школы, сволочи, меня исключили.

– За абсцесс? – удивился Боев.

– Почти. На самом деле я из рогатки абрикосовой косточкой чуть было директору глаз не выбил. Но через две недели восстановили. Не переживай. А ты, Люба, знай, что жена, на лице у которой ненависть, может лишит мужа аппетита.

– Других мудростей не знаешь? – строго парировала Сорванцова.

– Знаю. Желаниями, переходящими за границы здоровья, приобретаем себе болезни.

После изречения второй мудрости Николай на глазах стал слабеть. Вскоре обмяк до того, что захотел лечь спать, но был не в состоянии сам раздеться.

– И где вы только нашли такого, на свою голову, – помогая Любе раздевать и укладывать Николая, ворчал расстроенный Боев.

– На танцах, – отвечала Сорванцова. – Как сейчас помню. Зазвучала песня «Варвара жарит кур», и он ко мне подошёл, пригласил на танец. Так и познакомились.

– Песня называется: «Варвара жарит кур»?

– Да. Это «Бони М». Там слова такие есть, похожие по звучанию на «Варвара жарит кур», – пояснила хозяйка.

– Понятно.

Сначала сняли с сонного Николая брюки, а затем Боев стал снимать с хозяина дома пиджак, и на пол посыпалась соль.

Люба покраснела и стала за мужа оправдываться.

– Кто-то его научил, что для улучшения выработки в желудке соляной кислоты надо каждые два-три часа рассасывать под языком крупный кристаллик соли. Вот он и насыпал себе полный карман. Посмотрите, соль крупного помола, она не для того, чтобы прохожему в глаза кинуть. Коля не разбойник, он о здоровье своём печётся.

– Это я уже заметил, – съязвил Родион Борисович.

– А сколько вам лет? – поинтересовалась Сорванцова.

– Шестьдесят один.

– Есть жена, дети?

– Нет, и никогда не было. Всё время один.

– Неужели же вам ни одна женщина не понравилась за столь долгую жизнь?

– Была в плановом отделе Ира Гражданкина. Она замечала, что я на неё поглядываю, но у неё уже был парень. На директорской «Волге» работал шофёром и до дома её каждый вечер подвозил. Она у меня как-то спросила: «Ну, хоть какая-нибудь машина у тебя есть?». То есть дала понять, что ценит моё внимание, но пешком ходить уже разучилась. И я должен купить машину или попрощаться с мыслью о том, что когда-то мы будем вместе. На автомобиль, понятно, у меня денег не было, и я убедил себя, что не такая уж она красавица, чтобы из-за неё убиваться. У Ирины один из передних зубов был такого цвета, как ряженка. Все белые, а этот тёмный. Я за этот её изъяз зацепился и взрастил в своей душе отвращение к ней. А потом и вовсе перешёл на другое место работы и о ней забыл.

– Грустная история. А у меня все зубы хорошие, белые и ровные. Можете посмотреть, – предложила девушка и открыла рот.

– Знаете, Люба, в моей жизни, пусть не часто, но встречались женщины, которым я нравился и которые нравились мне. Но всегда стояло между нами что-то незримое, мешающее

соединиться. Получается так, что невидимый мир важнее видимого. Тут нет никакой мистики, простое стечение обстоятельств. Если складываются обстоятельства так, как надо, то всё получается, если не складываются – ничего не поделаешь. Знаете, когда мне было чуть больше двадцати, а именно двадцать один год, у меня была знакомая.

– Любовница?

– Нет. Так вот. Она была моей сверстницей, на восемь месяцев младше, и у неё был друг.

– Любовник?

– Да. Мужчина тридцати лет. Я искренно полагал, что она ущербная, коль скоро водит дружбу с таким стариком.

– Так это было тридцать с лишним лет назад, теперь всё по-другому.

Положение у Боева было незавидное. «Что делать?», – размышлял Родион Борисович, – «в чужом, незнакомом городе идти искать среди ночи гостиницу? Для меня вещь немыслимая. Да, но не оставаться же в одной комнате со спящим алкоголиком и его красавицей женой».

– Оставайтесь, – словно прочитав его мысли, успокоила его Люба, – ничего страшного. Я уже привыкла к подобным выходкам Коли.

Она более подробно, чем муж, рассказала о беде, случившейся с заводом, о страшном для его сотрудников сокращении.

– Так и живём. Вроде оба молодые, а перспектив никаких. Поэтому и детишек нет.

– Почему детишек нет? – не понял Боев.

– А от кого рожать? – пояснила Сорванцова, кивнув на спящего пьяного мужа. – Сами видите, что творится.

– Ну, от кого – не вопрос для такой красивой девушки. Было бы желание. Можно и поспособствовать, – говорил Родион Борисович не свойственные ему слова, явно играя роль безответственного командировочного. – Скажите, у вас можно умыться?

Люба провела Боева по длинному коридору и указала на дверь, ведущую в ванну.

– А эти опечатанные двери? – интересовался гость.

– Жили люди в этих комнатах когда-то. Все спились и умерли. Мы одни в этой огромной квартире остались.

Родион Борисович внимательно посмотрел на Сорванцову, хозяйка в оранжевом свете, исходящем от абажура, закрывавшего яркую лампу в коридоре, показалась ему обворожительной. Этот пристальный заинтересованный его взгляд не остался ей незамеченным. Люба улыбнулась, хмыкнула и сказала:

– Можете принять душ или даже ванну. Вот только дверь не запирается, шпингалеты все сорваны. Я пойду, а вы мойтесь спокойно. Я постелю вам на диване, а насчёт Коли не беспокойтесь. Он, когда напивается, так спит до самого утра, как убитый. А часиков в пять-шесть, будильник не заводи, вскакивает и бежит куда-то на улицу, опохмеляться. Так и живём.

«Бедная Любочка», – подумал Боев, включая воду.

Ванна была обшарпанная, но Родион Борисович с наслаждением смыл с себя пот и усталость после прошедшего дня. В благодарность за эту маленькую услугу ему захотелось сделать хозяйке что-то хорошее.

В дверь постучали.

– Одну минуту, – сказал Боев и сел в ванной, прикрывшись мочалкой.

Вошла Люба.

– А вы это в шутку сказали, что можете поспособствовать? – серьёзно поинтересовалась хозяйка.

– Вы это о чём? – не понял гость.

– С ребёнком, – краснея, напомнила Люба.

– Да, я бы с удовольствием, но у меня в этом вопросе мало опыта. Было три попытки и все неудачные. Меня женщины не любят.

– Возможно, это были не те женщины? – не отступала Сорванцова.

Только после этих слов Родион Борисович стал всматриваться в хозяйку по-настоящему и заметил в ней огромную нерастрченную женскую силу, готовую кинуть Любу навстречу первому же встречному, распахнувшему руки для объятия. Он не знал, что делать. Хозяйка ему нравилась, но он и на самом деле опыта не имел.

– Но вы для начала хотя бы глазки подкрасьте, да туфли наденьте вместо тапочек, – стал городить Боев первое, что вспомнил из скабрёзных мужских рассказов в курилке.

– Могу и красное платье надеть, у меня есть ажурное нижнее бельё. Хотите? – интересовалась Люба так, словно речь шла о чём-то обыденном.

Командировочный обмотал полотенце вокруг бёдер и побежал в комнату искать защиты от наступавшей на него Любы у спящего Николая. Беда заключалась в том, что Родион Борисович был хорошо воспитан и знал, что спать с чужой женой, какие бы ни были на то побуждающие мотивы, – это неправильно и плохо. Спасти мог только Сорванцов, так как Боев почувствовал, что вдруг сильно возжелал хозяйку, а хозяйка, не скрывая этого, желала его.

– Николай, проснись, вставай! – кричал командировочный и даже ударил спящего несколько раз ладонью по щеке. Но хозяин дома на крики и удары не реагировал.

– Не бойся, до пяти утра хоть из пушки пали не встанет, – успокаивала Родиона Борисовича Люба, наряжавшаяся и прихорашивающаяся у зеркала, висящего на стене.

Чтобы ей не мешать, Боев ушёл на кухню и уселся на единственный целый табурет.

С точки зрения постороннего наблюдателя всё то, что происходило далее, может вызвать улыбку, но для самого Родиона Борисовича те действия, которые он совершал, были необходимой прелюдией для того, что в конечном счёте должно было состояться.

Он, маленький, разуверившийся в себе некрасивый старый толстяк, мало того, босой, голый, с полотенцем на бёдрах, прогуливался по коридору, держа за руку высокую, прекрасную, уверенную в себе, хорошо сложенную, ярко одетую и накрашенную молодую женщину, желавшую его. К этому надо было привыкнуть.

Маршрут их прогулок был такой. Из кухни в комнату, с обязательным подходом к зеркалу и обратно. Пока шагали, сжимали друг другу ладошки, играя пальчиками. Это было что-то вроде безмолвного объяснения в любви, понятного только им двоим. Подолгу стояли у зеркала. Родион Борисович любовался отражением Любы в зеркале, на себя стараясь не смотреть.

Они взяли из комнаты приёмник, подключили его на кухне к розетке и, найдя подходящую волну, долго танцевали под медленную музыку.

Далее, когда гость уже освоился и осмелел, он привёл хозяйку в комнату, уложил на диван и стал гладить её ноги.

– А я, представьте, почти ничего не чувствую, – взволнованным голосом жаловалась Люба, – вот до чего меня довели.

Боев полностью раздел Сорванцову и изучал её тело, как какой-нибудь врач-специалист. Она не противилась, даже помогала. С готовностью демонстрировала исследователю то, что тот хотел увидеть. То есть всячески потворствовала, поощряла любопытство мужчины, подталкивая его тем самым к более смелым и решительным действиям. Исследуя прекрасное, совершенное в его глазах женское тело, Боев узнавал по-новому не только Любу, но и себя самого. А потом, не без помощи партнёрши, они стали по настоящему близки, и он ощутил, увидел эту прекрасную женщину, сила и мощь которой заключалась в слабости и покорности, в ещё более лучшем свете, нежели тот, оранжевый от абажура. Обрёл её такой послушной и любящей, что даже удивился. Всё это было для него в диковинку. А затем внутри него стали происходить какие-то неизвестные ему до этого процессы. На спине, прямо над почками, словно заработали насосы, и что-то произошло, освободившее Родиона Борисовича от напряжения. После этого на него тотчас напала дрема, которой он не в силах был противостоять. Он чувствовал, что

проваливается в сон, как в могилу. Но вскоре он пришёл в себя и понял, что всё ещё жив и лежит на Любе, блаженно улыбавшейся и светившейся радостью.

– Я сбегая? – ангельским голосом спросила Сорванцова и, чмокнув Боева в губы, встав, куда-то побежала из комнаты.

Родион Борисовича удивило, во-первых, что она голая, а во-вторых, что у неё жёлтые пятки. В ванной послышался шум падающей из крана воды, Николай заворочался и проснулся.

– По тебе хоть хронометр проверяй, – от страха и неожиданности произнёс Боев, глянув на стену, где среди семейных фотографий висели часы.

Заметив, что жены в комнате нет, Николай проворно оделся, надел ботинки и, приложив к губам указательный палец, дал знать Боеву, чтобы тот помалкивал. Сорванцов на цыпочках вышел из квартиры и бесшумно закрыл за собой дверь.

Родион Борисович тоже оделся и собирался уйти, но хозяйка его непустила.

– Позавтракайте. Когда ещё представится возможность поесть? Я вам в дорогу кое-что соберу.

– Я не могу тебе лгать, Люба. Да это и не получится. Глядя на тебя, я непроизвольно улыбаюсь, сердце наполняется радостью. Но мне шестьдесят один год, я похоронил отца и мать. В душе я старик.

– Не надо себя оговаривать. Вы не пьёте, не курите, для своих лет очень даже хорошо выглядите. И потом, женщины любят мужчин старше себя.

– Ты меня не обманываешь?

– Говорю правду.

Сорванцова пошла провожать ночного гостя на вокзал. Когда пришло время прощаться, она заплакала.

– Ты чего? – поинтересовался Родион Борисович.

– Тридцать первое августа, – уклончиво объяснила Люба причину своих слёз. – Лето прошло.

– Ещё одно лето, – поправил её Боев и, покраснев, предложил, – поедem со мной.

Люба поцеловала Родиона Борисовича и без раздумий вошла вместе с ним в тронувшийся вагон. С тех пор они жили вместе.

2

– Сегодня я смотрел фильм про Циолковского, – заговорил со мной Боев, оглаживая кошку, – и в мою голову пришла удивительная мысль. Дело в том, что Константин Эдуардович двадцать лет своей жизни потратил на создание и разработку цельнометаллических дирижаблей. Писал работы, делал чертежи и потом всё это отдал в общество любителей воздухоплавания. У него всё забрали и ответили отказом. А через три года, в Германии, вышел проект графа Цеппелина, удивительно повторяющий дирижабли Циолковского. Так вот о чём я подумал. Дирижабли всегда наполняли водородом. Внутрь обшивки, так или иначе, попадал воздух, смешивался, возникала гремучая смесь и дирижабли взрывались. Рано или поздно любой дирижабль это ждёт. Поэтому Циолковский придумал наполнять их не водородом, а тёплым воздухом, исходящим от двигателей. Двигатель работает, крутит направляющие винты, а горячий воздух выгребаётся в дирижабль. Нормально работает система?

– Нормально, – согласился я.

– Нормально и безопасно, – дополнил себя Родион Борисович, – Лишний воздух стравливается через клапаны. Замечательная идея. А знаешь, какая есть идея у меня?

– Какая?

– А идея такая. Что легче воздуха? Гелий. Правильно? А что легче гелия? Водород. А что легче водорода?

- Вакуум? – брякнул я.
- Умница! – одобрил мою фантастическую версию Боев.
- Что же это получается? «Вакуумные дирижабли»?
- Я вот и думаю, – рассуждал вслух Родион Борисович, – А что, если ни водорода, ни гелия туда не нагнетать, а просто взять да и выкачать воздух?
- Создать вакуум?
- Именно.
- А вакуум имеет объём?
- Вакуум объёма не имеет. Но если сделать жёсткую конструкцию, без воздуха, она же будет легче окружающей среды. Получится, как ты говоришь, «вакуумный дирижабль». Ведь сам Циолковский изобретал именно жёсткие конструкции для дирижаблей. Не надувающиеся, а жёсткие. То есть конструкция дирижабля, – она не сдувается. Она жёсткая. Кто нам мешает выкачать воздух оттуда?
- Вот вы говорите, рано или поздно водород смешивается с воздухом. А если воздух смешается с вакуумом? Взрыва не будет?
- А что с чем вступит в реакцию? Дирижабль всего-навсего будет терять высоту и всё. Затем всю эту «фигню» можно сделать сотовой, ячеечной. Как соты у пчёл. Вспомни плёнку упаковочную с пузырьками воздуха. Примерно такую надо сделать, но только вместо пузырьков воздуха, чтобы были пузырьки с вакуумом.
- А это технологически возможно?
- А почему нет?
- Тогда почему никому в голову не пришло такое столь очевидное инженерное решение?
- К Наполеону пришёл инженер за деньгами на строительство парохода, показал чертежи. Тот инженеру задал точно такой же вопрос: «Если всё так элементарно, как ты говоришь, почему никому другому не пришло это в голову?». Не поверил, отказал в финансировании. По злой иронии судьбы к месту заключения на остров Святой Елены, англичане Бонапарта транспортировали на пароход. Вот и я тебе сейчас толкую про открытие века, о «вакуумном дирижабле». Для него не нужен гелий, не нужен водород.
- Пойдите, Родион Борисович, но вы же, по-моему, заканчивали Институт патентоведения? Вы бы могли это открытие как-то запатентовать и остаться при этом в живых?
- В теории – да. Спросят: «Вы пришли к нам запатентовать „вакуумный дирижабль“? Как интересно. Никуда не уходите». А если говорить без смеха... Смотри, всегда происходят какие-либо изобретения. Как ты верно подметил, наступает время, и какая-нибудь умная мысль приходит в голову одновременно всем. Поэтому сейчас, возможно, эта мысль пришла в голову не одному мне. Гелий дорогостоящий, водород взрывоопасный. И потом эти газы – с ними столько возни. Заправка, отправка, поправка.
- Подождите, а как дирижабли будут садиться?
- Эта проблема второстепенная. Главное – это оторваться от Земли на промышленное расстояние. Хотя бы метров на тридцать. Ты только представь, что этот вакуумный дирижабль ни взорвать, ни поджечь нельзя. Стрельнут ракетой, ну повредятся несколько пузырьков, сама конструкция в любом случае полетит дальше. Мне пришла в голову технологическая мысль. Я придумал, как делать «вакуумные дирижабли» чисто технически. Суть заключается вот в чём. У дирижабля огромный объём, откачать из него воздух проблематично. Нужно сделать установку, выдувающую пластиковые шарики. А потом мы берём и из этих шариков выкачиваем воздух. У нас получатся маленькие, пластиковые, вакуумные шарики. Представь, что эта установка работает непрерывно и у нас появляется миллион таких шариков. Мы берём огромную гондолу, разделённую на сектора, и всё это пространство забиваем вакуумными шариками. Вот тебе уже и вакуумная гондола. И вся эта масса будет поднимать дирижабль. Но пока что она стоит у нас на якорях, и мы строим конструкции. Обязательно нужны двигатели.

– Какие?

– Любые.

– Поднимающие вверх и опускающие вниз?

– Для этого имеются рули. Так же управляют с их помощью поворотом влево и вправо. Можно сделать и с крылышками. Наш дирижабль будет летать, как самолёт. При этом он сможет останавливаться и зависать в воздухе. И что самое интересное... Ну, сдохли двигатели. Ладно. Починим, подождём. Прилетит вертолёт, новые двигатели поставим, – полетим дальше. Никаких проблем. Слышал последние новости? Грохнулся гражданский самолёт, не хватило топлива долететь до аэродрома. Наш дирижабль не грохнется. Топливо дирижаблю нужно только для двигателей управления. Понимаешь, – это же революция! Замена водорода и гелию! Как говорят: «Почему до этого никто не додумался?». Этот вопрос постоянно всех терзал и не оставлял в покое. Кто-то берёт и объявляет мысль. И все думают: «А почему раньше никто до этого не додумался? Ведь всё ясно, понятно».

– Но это технически возможно?

– Элементарно. Я же всё-таки методист технического творчества. Есть такой закон: «Была бы идея, а средства её реализации могут быть самые разные». Ты ведь знаешь, что первый телевизор был механический?

– Вы говорили. Если честно, с трудом представляю, – усомнился я.

– Была лампочка, через линзу свет. И этот свет управлялся механикой. То свет есть, то его нет. То ярче, то тусклее. И возникала картинка.

– Забавно. А чего вам эта мысль в голову пришла? – вернул я Боева к его изобретению.

– Я Циолковского смотрел, а там как раз рассказывали о проблеме водорода, о дороговизне гелия. О трудностях создания дирижабля. Почему не могли запустить? Не было подходящего материала.

– А сейчас же и материалы новые появились.

– Я же и говорю, появились пластики, из которых мы можем спокойно делать вакуумные шарики. Тут одно условие, пластиковый шарик должен сохранять форму. Нужен прочный пластик, такие теперь есть.

– А этот пластиковый шарик будет подниматься?

– Если мячик мы опустим в воду, – он всплывёт?

– Всплывёт.

– Тут – то же самое.

– Я, собственно, интересуюсь, способен ли вакуум поднять этот пластиковый шарик?

– А вакуум не поднимает. И водород, и гелий, – они тоже не поднимают. Просто воздух тяжелее и плотнее, он выдавливает. И чем больше разность в плотности, тем больше скорость и высота подъёма. Согласись, Сергей, хорошая мысль – «вакуумный дирижабль».

– Ещё бы. К тому же сразу вы придумали инженерное решение.

– А ты знаешь, как поднимают затонувшие корабли?

– Кранами, лебёдками?

– Делают проще. Берут обыкновенные пластиковые шарики с воздухом и загоняют их в утонувший корабль. И он сам всплывает.

– Ах, вот как.

– А потом его цепляют и транспортируют куда угодно. Он хорошо держится на плаву и никаких кранов и лебёдок. Зацепил и буксиром в ближайший порт оттащил.

К нам приблизился Станислав Мазаевич Беридура, подслушавший разговор и сделал важное сообщение:

– Космонавты в этом году собираются соединить лифтом орбитальную станцию «Мир» с Землёй.

– Ну, это сказки, – парировал я.

– Поживём-увидим, – прокомментировал услышанное Родион Борисович, – И ежели они это сумеют сделать, то мы вакуумный завод прямо в космосе разместим. А продукцию будем опускать на лифте.

– Возможен ли такой лифт с технической точки зрения? – усомнился я.

– Это было придумано уже давно, – ошарашил меня Боев, – Это ещё Артур Кларк придумал.

– Земля наша вертится. Что же, и корабль станет крутиться вместе с Землёй?

– Да. Это называется геостационарная орбита. Не только «Мир», много и других станций на этой орбите и крутятся вместе с Землёй.

– Как самолёты будут облетать этот лифт? И потом молнии станут бить, уходя по нему в Землю.

– Знаешь ли, ты хорошую мысль подал, – сиял Родион Борисович, – Мы с этого лифта станем ещё и электричество извлекать, которое, только для начала, осветит нам всю Сибирь. Понимаешь ли, если удастся построить эту штуку, то можно сразу пять глобальных задач решить. Тут проблема не в самом соединении. А в том, чтобы это соединение не оборвалось. Вся эта «фигня» будет такая тяжёлая, что будет рваться под собственным весом.

– А ведь это «вавилонская башня», – засмеялся я.

– Совершенно верно. В чистом виде «вавилонская башня», – согласился со мной Боев.

Берикура отошёл, оставив нас. Кто-то позвал его пить пиво. Станислав Мазаевич не мог игнорировать такое приглашение.

– Надо сделать даже не дирижабль вакуумный, – продолжал Боев, – Это пустяки. Следует сделать вакуумные шарики. Если такую штуку изготовить, то мы сможем делать всё, что угодно. Маленькие платформы, летающие в воздухе столы, кровати, летающие машины. Всё, что угодно.

– То есть сама возможность использования «приручённого» вакуума, больше и значительнее дирижабля?

– В принципе – да!

Тут, чёрт меня дёрнул, сказать Родиону Борисовичу о том, как Сорванцова схватила в магазине меня за руку и долго не отпускала.

Боев покраснел и принялся расхваливать супругу:

– А какая жёнушка у меня умница, такой знатный ужин мне вчера устроила! Как же она меня любит.

– Знамо, как. Помнишь, в постели со студентом застал? – припомнила Боеву Зинаида Захаровна Медякова, медсестра детской поликлиники, проживающая в нашем подъезде на втором этаже.

– Это же было всего один раз, – стал оправдываться Родион Борисович. – И потом, жёнушка обещала мне, что подобное больше не повторится. Я ей поверил и простил.

– Не надо тебе было на красивую и молодую зариться. Сам-то, поди, не Аполлон Бельведерский. Впрочем, я тоже в юности ветреной была, – стала вслух вспоминать Зинаида Захаровна. – Ветрена и красива. Кудри спадали мне на спину и доходили до коленных изгибов. На высокую грудь мою можно было положить томик Большой Советской Энциклопедии, а на книгу поставить до краев наполненный стакан с водой. И представь, грудь всё это держала.

– Где же хотя бы остатки от всей этой роскоши? – ответил любезностью на любезность кормилец кошек.

– Старость, Родион. Этим всё сказано. Годы хоть какую красоту исказят.

– А какие твои годы? Ты же меня на десять лет младше, а выглядишь так, словно мы сверстники, – поддел Боев.

– Я ведь женщина, – не обидевшись, парировала Зинаида, – а бабий век короток. Медякова фантазировала, художественно описывая свою ослепительную прелесть в молодости.

За три десятилетия, что жил я в одном подъезде с ней, она ничуть не изменилась. Ничего из того, о чем она так красочно словесно живописала, у нее в действительности не было.

И вот в этот момент из подъезда во двор вышла настоящая красавица с карликовым пуделем абрикосового цвета. У неё были длинные густые волосы пшеничного цвета, синие глаза, аккуратный, чуть вздёрнутый носик. Обаятельная улыбка. Чёлка. Она напоминала французскую актрису Катрин Денёв в молодые годы. Только была ярче последней. Девушка была одета в джинсы, заправленные в синие резиновые сапоги и голубую вельветовую куртку. Незнакомка со всеми вежливо поздоровалась и пошла по своим делам ровной уверенной походкой.

– Это Танька, – заметив мой интерес, пояснила Зинаида Захаровна, – Ерофея Владимировича внука. Старик прихворнул, так она приехала по хозяйству ему помочь. Дочка Даши Ермаковой, покойницы. Трудная судьба у девчонки. Я Таньку имею в виду. Проституткой работала, теперь вот, вроде как образумилась, пошла на исправление. За дедом больным ухаживает, ждёт смерти его, чтобы квартиру захватить.

– И всё-то вы знаете, – попенял Медяковой Боев.

– Да, согласен с вами, – невольно вырвалось и у меня, – не хочется верить...

– Хороша девчонка, – не унималась Зинаида Захаровна. – И наш участковый, Игнатьев, на неё глаз положил, предложение руки и сердца сделал.

– Ну, и как? – осведомился я, слыша учащение ударов собственного сердца и понимая, что в случае положительного Таниного ответа участковому миокард мой может не выдержать и разорваться.

– Отвергла, – успокоила меня Медякова, – жидковат он для Таньки. Деньги большие обещал. Но я так думаю, если бы её интересовали деньги, то она бы занятия проституцией не бросила.

– Вы, как я погляжу, просто смакуете этот вымысел о её якобы грязном прошлом, – возмутился Родион Борисович.

Я поймал себя на мысли, что мне тоже неприятно слышать что-то дурное о Тане.

– Настоящая проститутка, такая, как Танька, – поучала нас Зинаида Захаровна, явно провоцируя Боева на скандал, – даёт каждому мужику по его силе и возможности. Одному отдаёт себя всю, потому что он созрел. Другому – только часть себя. А третьему показывает лишь блеск свой, так сказать, прелесть форм. Для того, чтобы испепеляющая страсть несовершеннолетнего, войдя в неокрепшую душу его, не обожгла бы её смертельно.

– Ты, Медякова, – плохой человек. Что можно ещё о тебе сказать? Лживая, подлая дрянь! – прокричал Родион Борисович срывающимся голосом и, бросив кормить подопечных, пошёл домой.

Тут вдруг в неурочный час появилась, моя жена, Галина Гордеева. Увидев мужа в окружении кошек, она от удивления подняла брови, но ничего не сказала. Мы молча проследовали в подъезд, практически следом за Боевым.

Глава вторая

В гостях у Королёвой

Вечером, того же дня, мы с женой были приглашены соседкой из двадцать третьей квартиры, Валентиной Королёвой, в гости. Соседка встречалась со своим прежним воздыхателем Григорием Тонаканяном и нуждалась в поддержке верных друзей.

«Все мечтают, строят перспективные планы, – размышлял я, – Без мечты жить нельзя. Королёва мечтает о муже, Гордеева о богатстве. Я о том, чтобы написать хорошую книгу. И у всех своя дорога к мечте».

Галина красилась и прихорашивалась перед зеркалом.

– Ты так стараешься, словно не у Вали, а у тебя смотрины, – упрекнул я жену.

– Вам, мужикам, этого не понять, – парировала Галина. – У Вальки, возможно, завяжется настоящая история с этим Гришей. И я, как ближайшая подруга, не могу её подвести, явившись в гости «фефёлой».

Тонаканян был старинным знакомым Королёвой, и до настоящей истории была предыстория, о которой следует в двух словах сказать.

Два года назад Валентина отмечала своё двадцатидевятилетие. Из гостей были только соседи, то есть мы с женой.

Тогда же, за праздничным столом, именинница пожаловалась на своё одиночество.

Гордеева посоветовала ей сдать одну из комнат двухкомнатной её квартиры в наём жильцу. Обязательно одинокому мужчине.

– Надо приучить «дикого зверя» к домашнему очагу, – советовала ей Галина, – а впоследствии окольцевать. Поверь, это ничуть не сложнее, чем ухаживать за хомячком или морской свинкой. Кормишь и гладишь по шёрстке – вот и вся премудрость.

Валентина послушалась совета подруги, дала объявление, долго выбирала подходящего жильца и, наконец, свершилось. К ней в квартиру заехал одинокий мужчина. Звали его Романом Елизаровичем Кошечевым. Он работал вахтёром в одном из институтов Российской академии наук. Там же, при институте, успевал подрабатывать дворником, убирая снег перед входом и сбивая сосульки с крыши. У Кошечева была своя двухкомнатная квартира в Москве. Он сдавал её семье ландшафтного дизайнера за большие деньги, которые откладывал на «чёрный день». Сам же снимал дешёвенькие комнатёнки. Всё свободное время Роман Елизарович проводил на кладбищах. Можно сказать, ходил туда, как на работу. По выходным с утра до ночи бродил между могил, а возвращаясь домой, ел суп, приготовленный Королёвой и при этом громко, так как был глуховат, рассказывал хозяйке, на каком погосте побывал, что нового там повидал.

К Валентине он не прикасался. Не до женщин ему было. Можно сказать ещё определённое, – не до живых.

Галина тогда Королёвой резонно заметила:

– Зачем он тебе нужен, если не целует?

Валентина, сославшись на то, что собирается произвести дезинфекцию, а затем сделать в квартире ремонт, попросила вахтёра съехать.

Вторым жильцом стал продавец по фамилии Забава, приехавший из Новосибирска. Снимал он квартиру недолго, от него остались женские украшения из самоварного золота, которыми он торговал в гостинице «Севастополь», индийский лекарственный порошок «трифала чурна» и плакат с изображением итальянской певицы Сабрины, в мокрой майке на голое тело.

Третьим жильцом был Григорий Тонаканян, всё свободное время проводивший в кафе у приятеля своего старшего брата. Сидение за столиком в компании соплеменников он считал своей работой, о чём совершенно серьёзно говорил Королёвой. В конце концов, приятелю брата Гриша надоел, и тот попросил его в кафе не приходить. Тонаканян ругал приятеля

брата ставшего вдруг неприятелем, ругал Москву и москвичей. Со слезами и тоской вспоминал свою родину, но возвращаться туда не торопился. По ночам Григорий слушал в записях дудук и выкрикивал слово «ахчи». Он мечтал о своём уголке, о московской прописке, с интересом поглядывал на плакат с изображением итальянской певицы, приколотый кнопками к комнатной двери, а Валентину не замечал. Так же, как и его предшественникам, ему указали на выход.

И вот Королёва снова со своим Григорием созвонилась-встретилась и пригласила нас в гости.

Стол накрыла царский, несмотря на трудные времена, было практически всё, что душе угодно. Стали мы пить, закусывать и философствовать.

Григорий, восседая барином, неспешно расспрашивал хозяйку:

– А дядя Лёша в вашем подъезде ещё живёт? Как прежде, люди выставляют мусор за дверь, а он все пакеты собирает и выносит?

– Нет, он не все пакеты выносил, а только после Любы и Виталика. Все остальные сами мусор выбрасывали, – напомнила ему Валентина.

– Забыл. А кто такие Люба и Виталик?

– Люба Сорванцова – это звезда нашего подъезда, живёт с «большим учёным» Родей Боевым в соседней, двадцать четвёртой квартире. А Виталик Долгов – бывший военный, которого вышвырнули по сокращению из армии и он сошёл с ума. Живёт на пятом этаже в двадцать шестой.

– Что ж теперь и мусор не выбрасывать? – возмутился Тонаканян.

– Видимо им запахло на помойку ходить, – грубо ответила Королёва. – Выставляли пакеты за дверь, а дядя Лёша поднимался со второго этажа и забирал.

– Может, у них договор был?

– Может быть. А может, просто лень.

– За дверь не ленятся выносить? Они что, в возрасте?

– Виталику сорок, а Люба наша ровесница. Что ты всё о глупостях, перед тобой живой писатель сидит. Правда, Серёж? Он всё про возраст. Ты у Сермягина спроси, он тебе скажет, что для женщины и для писателя тридцать лет – это не возраст. Ещё мальчик. Правда, был такой Пушкин, тот к тридцати годам уже столько наваял.

– Покоя, смотрю, не даёт вам Александр Сергеевич. Что ты, Валя, про него вспомнила? – сделал я ей замечание.

– А кого ещё вспоминать? Слабо тебе столько наваять?

– У каждого свой жизненный путь, своя дорога.

– Мы не гонимся за гениями, – поддержала меня жена.

– А тот старик ещё жив, который напивается два раза в год? На день рождения и на девятое мая? – поинтересовался Григорий.

– Так это же дядя Лёша и есть. «За Родину! За Сталина!». Он же воевал, в лагерях сидел.

– Тогда кто у него квартиру отобрал? – Не понял Тонаканян.

– Депутат. Но, это кличка, конечно, я его так называю. Никакой он не депутат, а был какое-то время всего-навсего, районным советником. Он в квартире держал поросёнка. Куры у него жили на кухне, в ящичке под раковиной. Летом вышел во двор и на детской площадке давай курам головы рубить.

– Поросёнка тоже зарезал? – любопытствовал Григорий.

– Я не знаю, что он сделал с поросёнком. Знаю, что соседи с первого этажа возмущаться стали. На что Ермаков у нас спокойный старикан и тот пришёл и устроил Беридуре скандал. Станислав Мазаевич: «Она у меня чистая». Ерофей Владимирович ему: «Ага! Может, скажешь – и в унитаз по нужде ходит?».

– У Ермакова протекло, наверное? – предположила Галина.

– Ну, конечно. Представляешь, какой запах от свиной мочи? И это в квартире. Это вообще кошмар. А что было во время перестройки, когда появились первые кооперативы? Этот Стасик-депутат открыл копильню. Рыбу коптил, ходил по квартирам, всем предлагал купить его рыбу.

– Зачем такого депутатом выбирали? – не унимался Тонаканян.

– Не депутатом, а районным советником при районной управе. При муниципальном округе есть районные советники. Проходили выборы. Кто его выбрал, я не знаю. Я голосовала «против». Когда я пришла на участок для голосования, а ходила голосовать я вечером, – все листы были чистыми. Никто не пришёл. Всё равно выбрали.

– А кто по помойкам ходит, металлолом собирает?

– Это моя родня. Братья покойного моего мужа Ираклия, – Герман, Вадька и Толичек. А у свекрови, последний её, пятый муж, Аскольд Дмитриевич еле ноги передвигает. Ему уже за семьдесят, бывший учёный из Новосибирского Академгородка. Тоже ходит, где-то мусор собирает и всё приносит в дом. К тому же ещё и грузчиком в овощном подрядился работать.

– Со всех помоек?

– У них свои зоны, весь металлолом, что находят, подбирают и волокут в дом. И у них между собой такие разговоры: «Герман, ты мимо помойки шёл, а ведь там холодильник был. Смотри, утащат» – «Не утащат. Я его припрятал. Сейчас пойду, раскурочу и принесу домой». У свекрови квартира хуже, чем хлев.

– Где живут, там и хранят металлолом?

– Ну, да. Они на первом этаже живут, подвал захватили, в подвале всё и хранят. Например, когда я к ним в квартиру вхожу, то сапоги или туфли боюсь снимать. Там земляная корка на полу. Они в квартире всё разбирают, курочат, – только после этого несут в металлолом. Причём свекровь мне цены называла. Знает, какой металл сколько стоит. И видимо, это ещё не дно.

– Деньги пропивают? – лицо Григория исказилось в гримасе отвращения.

– Ну – как? Ты меня извини, если в доме живут четыре мужика, – их только, чтобы накормить, столько денег надо. Картошка, капуста, извини меня, – они ведь ещё и мяса просят. А на мясо надо заработать. Поэтому, что зарабатывают, – то и проедают. К тому же Герман женился, у него жена Оксана и дочка Леночка. В этой же квартире трёхкомнатной. И представь, что там творится.

– Тоже ходят по помойкам?

– Нет. Она, – ты что? Оксана – уборщица. На двух работах. Она – белая кость, консерваторию закончила. Не пошлешь по помойкам ходить. Аристократка.

– Как ты Ираклия за пьянки ругала, а он говорил: «Критикуйте, критикуйте. Я, в отличие от вас, критику воспринимаю спокойно», – вспомнила Гордеева покойного мужа Валентины, – Как же красиво он пел.

– И всё же, как депутат у ветерана мог квартиру отобрать? – не унимался Григорий, которому любое упоминание о покойном муже Валентины было неприятно.

– Он не отнимал, – втолковывала Королёва, – Они поменялись квартирами. Дядя Лёша жил в нашем подъезде, на втором этаже в двухкомнатной квартире номер семнадцать. У него все умерли, он остался один. А Беридура жил в доме напротив, на третьем этаже. В однокомнатной квартире. А потом они поменялись, и Стася-депутат дяде Лёше в довесок подарил цветной телевизор «Рубин».

– И ветеран переехал в квартиру с куриным помётом?

– Да.

– И следами от поросёнка?

– Нет. Поросёнок был у Беридуры уже здесь, в двухкомнатной. И здесь же кур завёл и козу хотел завести.

- Надо же, какой хозяйственный. А женщина-то у него есть?
- Пока было сорок с чем-то, всё по девочкам молодым бегал. А сейчас ему уже пятьдесят девять. Пока «работал» у него, – бегал. Перестал работать...
- А кем он работал?
- Я имею в виду другое. Это ж дело такое. Причём он любил очень молоденьких девчонок. А работал кем? Что было модно, – за того себя и выдавал. То он каскадёр, то он лауреат премии Ленинского комсомола. То он поэт. Подарил мне книжечку своих самиздатовских стихов. Такая нескладуха. Причём в книгу вклеил фотографию себя молодого. Сейчас представляется всем депутатом, хотя из советников районных уже лет пять, как попёрли.
- Игоря Грачёва встретил, – поделился я, – Это одноклассник мой. Можно сказать, друг первых лет школьной жизни. Лет на десять старше своих лет выглядит.
- Ну и мой Ираклий, перед смертью был таким же, – вернула себе инициативу в повествовании хозяйка дома, – Стася-депутат мужа моего поил, обирал. Нет, чтобы заработанные деньги в семью нести или хотя бы матери отдать, – всё пропивал с Беридурой. Вон, Вадик, младший брат Ираклия, – растёт совершенно неразвитым. Вчера пришёл ко мне, есть попросил. Спрашиваю: «Гречку будешь?» – «А что такое гречка?». Двенадцать лет парню и не знает, что так называется крупа.
- А чем же он тогда питается? – поинтересовалась Галина.
- Может, картошкой, может, макаронами, – не знаю.
- Вадька – парень добродушный. Полинка, дочка моя, села на него верхом. Уши ему закручивала, волосами, как вожжами, управляла, – он всё это безропотно терпел. Сердце у него доброе, золотое, – грустно произнесла Гордеева.
- Это ж хорошо? – с настороженностью поинтересовалась Валентина.
- Конечно, хорошо, – успокоила её Галина, а сама, вдруг, завелась, – Полинка у меня боевая. В школе какому-то мальчику кулаком в ухо дала. Я ей говорю: «Пуся, ты давай там поаккуратнее. А то придут, предъявят маме счёт за опухшее ухо, – не рассчитаемся».
- А когда он кур завёл? – поинтересовался Григорий.
- Я же говорю, была перестройка. Он построил себе хибару на Рублёво-Успенском шоссе.
- Как это – «построил»? – удивился Тонаканян.
- А это надо уметь. Понимаешь, он был тогда в партии ЛДПР. Он и мужа моего туда затаскивал. Приносил ему книги Жириновского. Беридура же снимал все их партийные собрания и выступления на свою видеокамеру. Ему за это не заплатили, он обиделся и из партии ушёл. А камера-то простаивает. Стасик стал приводить к себе третьесортных девок из общаг, с вокзалов, – самых что ни на есть падших. На других уже ни сил, ни средств не осталось. Эти девки и одевались и выглядели плохо.
- Зачем он их приводил? – недоумевал Григорий.
- Поставил видеокамеру в ванную комнату... Короче, сам себя снимал и потом всё это показывал моему мужу по телевизору. Когда людей не знаешь и смотришь порнуху, – и то неприятно. А тут его знаешь, да ещё его голая задница мелькает, Стасины грязные пятки. А главное, был бы мужик красивый, – так ведь смотреть не на что. Маленький, щупленький, плечики острые – невзрачная натура. Тоже мне, герой-любовник. Я понимаю, там Жан-Клод Ван Дамм или ещё кто-то. А тут чего? И деваха такая же. И вот он это всё снимал... И где-то нашёл на этот фильм покупателя, запродавал ему кассету.
- Серьёзно? – возмутилась Гордеева.
- Да, – подтвердила Королёва, – Галь, представляешь? Господи, я, когда узнала, чуть со стула от смеха не упала. Кто на это добро мог позариться? Представляете? Это ж не то, что профессиональной камерой снимают, где и свет, и звук. А тут закрепил кое-как где-то там, под потолком. Он же не говорил ей, что её снимает.
- Ну, понятно. Много денег что ли, выручил? – уточнила Галина.

– Я не знаю, сколько денег он заработал. Потому что, сколько бы ни заработал, у него денег нет никогда. Потому, что он жадный. Понимаешь, Гриша, у Стаси-депутата есть одно хорошее качество. Он коммуникабельный человек. Приходит в любую компанию, и через пять минут он уже свой. Ощущение такое, что он знает всех тысячу лет. Он очень наглый, очень напористый, – этим он и берёт. Сколько раз он у Ираклия брал деньги и не отдавал, – я со счёта сбилась. То есть, знаешь, он такой. Но у него всё в прошлом. Он когда-то писал стихи, когда-то был каскадёром, когда-то его любили молодые красивые девушки. Сейчас встречаешь его и видишь, как человек деградировал и во что с каждым днём превращается. Да, был районным советником. Сейчас не знаю, работает он где—нибудь или нигде не работает, только водку пьёт. И муж мой покойный всё время повторял: «Каждому мужику на жизнь даётся цистерна водки, можешь растягивать её на девяносто лет, а можешь выпить за год». У Ираклия, конечно, всё было по максимуму. У него всё должно было литься через край, быть выше крыши. Вот и получил, что хотел. Теперь отдыхает на Хованском кладбище.

– Ты про что говоришь? – встряхнула соседку Гордеева.

– Да собственно, о том, что человек всегда чего-то хочет. И мужчина, и женщина, по идее, должны куда-то стремиться. Потому, что пока мы к чему-то стремимся, – мы живём. Если мы перестанем стремиться – всё! Жить не будем. Хочется жить хорошо. Хотя, что это значит «жить хорошо», – ни я, ни ты, ни кто-то другой, – не знаем.

– Допустим, я – золотая рыбка, – стала фантазировать Галина, – а ты загадывай три желания. Первое, я так понимаю, узнать что такое «Жить хорошо»?

– Ну, это уже пошла философия. Естественно, я не стану ответом на этот вопрос заморачиваться, а стану сразу требовать каких-то материальных благ. Потому что та жизнь, которой я живу... Я не живу, а прозябаю. Человеческая природа нам что подсказывает? Я как та старуха в сказке, что ни дашь, – всё будет мало. И, в конце концов, останусь, как и сейчас, у разбитого корыта.

– Ещё чего попросишь? – интересовалась Галя.

– Попрошу для братьев мужа моего покойного, светлого, хорошего будущего. Может, мне и второго мужа не так обязательно, – главное, чтобы Герман, Вадька и Толичек были пристроены. Чтобы у них всё было нормально.

– А третье желание? – не унималась Галина.

– Не знаю. Повторяю. На мой взгляд, главная проблема в том, что человек даже для себя не может сформулировать то, чего ему надо, что он хочет. Какое счастье ему нужно? Денег? А деньги свалятся и, как бетонная плита, его раздавят. Будет плакать и причитать: «Чтоб их не было, этих проклятых денег!». Взять мою директрису. В свои сорок семь лет она очень хорошо выглядит. В прошлом году, на восьмое марта, она сделала у нас на глазах «колесо». Не каждая женщина в сорок семь лет, даже если она в юности занималась гимнастикой, сделает «колесо». Согласитесь? У неё машина «Ниссан», она дочку свою сделала директором частной школы. Рекомендовала. А сама она – директор Госучреждения, в котором я тружусь вольнонаёмным кассиром. И вот, казалось бы, всё у неё есть. Всё! Но я же вижу, как она бесится, как с людьми разговаривает. У неё жуткие перепады настроения. Тот народный артист, с которым её ваш Андрей познакомил, от неё ушёл. Это для неё, конечно, был удар под дых. Потому, что она к этой связи относилась серьёзно. Она-то думала, что – всё! Увела его у жены. И вдруг такой облом. Самое интересное, что после народного артиста у неё никого нет, и вряд ли предвидится.

– Из-за этого злится? – полюбопытствовала Галина.

– Да. Злится. Это какой-то кошмар. Иногда она так разговаривает, что всем становится понятно – по ней психушка плачет. Но она – директор, и все дипломатично помалкивают. И я вместе со всеми молчу. Ты, Галь, такие вопросы задаёшь... Тут всё человечество, может, ответа на них не знает, а кто я такая, чтобы одна за всех отвечать.

- Это, какие «такие» вопросы я тебе задаю? – засмеялась Гордеева.
- «Что такое счастье? Есть ли счастливая любовь?».
- Я тебе таких вопросов не задавала.
- Какая разница. Я сама себе их часто задаю. Что на них можно ответить? На моей памяти таких людей не было. Потому что всегда встречаются, мешают какие-то проблемы. Не одно, так другое. Не другое, так третье.
- У тебя понятие счастья – это безоблачная жизнь? – спросил я.
- У меня женское понятие.
- В чём-то главное человек должен преуспеть, в чём-то второстепенном потерять. Здесь, мне кажется, ключ от счастья. А если во второстепенном находишь себя, а в главном проигрываешь – будешь чувствовать себя несчастным, – повторил я чью-то понравившуюся мне мысль.
- У каждого своё.
- Или женское счастье – это особенное счастье? – настаивал я.
- В общем – да. Оно отличается от мужского. Потому что у женщин совершенно другой взгляд на жизнь и ориентиры другие. Мужики, ведь они что? К чему стремятся? Перепрыгнуть другого. Из штанов выпрыгивают друг перед другом и в этом видят смысл жизни. У женщин всё по-другому.
- Так ты про мужчин думаешь? – удивилась Галина.
- Конечно, Галь. А ты посмотри на них: «А у меня такая „тачка“! А у меня две таких! А у меня – то! А у меня – это!».
- Глупость говоришь, – вступила Гордеева в полемику с соседкой, – У нормальных мужиков просто деньги появились, надо же их на что-то тратить. Одни дом строят, другие машину меняют на лучшую. Не в копилку же складывать. Например, те, кого я знаю, – у них давно нет такого настроения, чтобы похвастаться, показать, что они лучше всех. Это ты что-то придумала. А мечтают, знаешь, они о чём?
- Чтобы опять стать нищими? – влез в разговор я.
- Ты так думаешь? – сверкнула глазами Галина.
- Конечно, – смеялся я, – у нищего-то жизнь интереснее.
- Ты действительно в этом уверен? – стала допытываться и Королёва.
- Ну не совсем нищего, скажем, бедного человека. Ведь деньги, в особенности большие – вещь вредная. Станешь бояться воров и грабителей, ночей не спать.
- А ты сейчас не боишься воров и грабителей, когда за копейку могут просто искалечить и даже убить? – закричала на меня жена, – Сколько случаев!
- Не боюсь, всё это легенды. Меньше смотри «Дорожный патруль» и «Криминальную хронику».
- Мир не переделаешь! – Галина всё больше расходилась, – Воры и убийцы были, есть и будут!
- Да не собираюсь я никого переделывать, – стал я оправдываться. – Свою бы жизнь достойно прожить.
- И тут вдруг Тонаканян обращаясь к Королёвой, стал кричать:
- Родишь мне сына Арутюна, а иначе я на тебе не женюсь. Вещички соберу и уеду в Ахалкалаки. Поняла?
- Поняла. Я давно тебя поняла. Ему больше не наливайте, спиртное плохо на него действует, – распорядилась Валентина.
- Заткнись, женщина. Ты знаешь, что в Армении нашли карту звёздного неба, сделанную две тысячи лет до нашей эры? Так на ней больше звёзд открыто, чем современные учёные знают. Раньше Армения была от Средиземного моря до Каспийского. Сверху Чёрное море, а снизу Тегеран. Такое было государство! И население было сорок миллионов. Это две тысячи лет до нашей эры. Не было тогда такой национальности – грузин. Я про твоего Ираклия говорю.

А как народа их вообще не существует, они вышли из армян. Это, если точно по-русски выразиться, – наши меньшие братья. А как армяне приняли христианство? Знаете? Рассказать? В триста первом году Святой Григорий пришёл к нашему царю Трдату Третьему и стал уговаривать его принять христианство. Тот его в Аштарак, в башню посадил на сорок дней без еды и воды и сказал: «Если выживешь, значит, стоящая вера». А Григорий ему в ответ: «За неверие у тебя свиные уши вырастут». И вот проходит сорок дней и ночей, Святой Григорий из башни выходит, а у царя, за неверие, свиные уши выросли. Царь говорит: «Помоги, я уверую». Так Армения приняла христианство. А вокруг же оставались огнепоклонники. И ассирийцы, и вавилоняне, и персы. Персы – это теперь Иран, вавилоняне – Ирак, ассирийцы – Сирия. А турок не было тогда. Это татары. Они пришли, попросились: «Можно арендовать ваши земли?», и устроились. Стали жить, всех потом повывесили. Я не хваюсь, но мы армяне, самые умные и самые храбрые. Есть анекдот. Умирает старый армянин. Сыновья спрашивают у него: «Что нам делать, отец? Как жить дальше?» – «Берегите евреев, дети мои, их уничтожат, за вас возьмутся». Евреи повсюду живут, всеми управляют, кроме Армении. А почему? Потому что в Армении обманывать некого. Армянина невозможно обмануть.

– Неужели совсем не живут? – усомнилась Галина.

– Ну, может один, два, – и то у них матери армянки. Они по-армянски говорят, только фамилии еврейские носят. Знакомый у меня был грузин, – ни одного слова по-грузински не знал. В нашем городе из ста пятидесяти тысяч жителей, только двадцать грузин и по всему району две тысячи. И все по-армянски говорят, город называется Ахалкалаки. На территории Грузии. Смешной эпизод был. Я агентом в ГОССТРАХ хотел устроиться. Послали меня из нашего города в Тбилиси, в главную контору. Захожу, там меня по-грузински спрашивают. Я по-грузински ему отвечаю, прошу: «Говорите по-русски, я плохо говорю на грузинском языке». Он тогда меня подковырнул: «Как же будешь ты людей страховать? С ними же надо будет по-грузински разговаривать». Я ему спокойно ответил, что в нашем городе на сто пятьдесят тысяч армян всего двадцать человек грузин и те по-армянски говорят лучше, чем на родном языке. Это его взбесило, да я ему ещё и денег не дал. Он, прогнал меня, сказав: «В Грузии живёшь, а грузинского языка не знаешь!». А насчёт храбрости, так мы, как приняли христианство, так всё время воевали. Воевали со всеми. Все же были огнепоклонники. В трёхсотом году нашей эры воевали с персами. У нас армия была восемьдесят тысяч, а у персов двести тысяч, да ещё сорок боевых слонов. Вот во время последней войны в Японии были самоубийцы, так мы это дело раньше японцев изобрели. Забросили их в тыл персидской армии, они слонов поранили и слоны стали топтать своих. Я не хочу хвалиться, в Азербайджане восемь миллионов человек, а в Карабахе сто тысяч армян и с ними не могут справиться. Потому что если армянин возьмётся за оружие, то будет всем не сладко. Турки, у них сорок миллионов, они сказали Азербайджану: «Что вы наделали? Зачем разбудили спящего льва?». Со всеми Армения воевала, разделилась на княжества. С Македонией только не воевала. Александр Македонский, когда пришёл в Армению, то сказал: «Я с вами воевать не буду, потому что я сам армянин, и мы с вашим царём вышли с одного престола». А так всё воевали. Константинополь обещал помощь, да всё обманывал, не присылал никого.

– Хватит нам расслаиваться, пора пить чай и по домам, – предложила хозяйке Галина и, обратившись ко мне, приказала, – иди, ставь чайник.

Я встал и пошёл на кухню. Валентина попросила на обратном пути захватить торт из холодильника.

Тонаканян заметил меня, вернувшегося из кухни в комнату и решил, что я только что пришёл, стал приветствовать:

– О! Серёжа, здравствуй! Твоя соседка счастлива оттого, что я её полюбил, и ты об этом знаешь. Сергей, ты похож на армянина. Тебе бы побольше хитрости и ума, – и был бы настоящий армянин. Знаешь, пиво самое древнее в Армении было. И сейчас на конкурсе в Сочи

ереванское пиво первое место заняло. И вино армянское первое место заняло, а у грузин пятое. А они всё хвалились, что у них самое лучшее вино. Прежде чем хвалиться, надо понятие иметь, как виноград растёт, как следует его собирать, как готовить. Хвалиться всякий может.

– Не всякий, Гриша, – грустно заметила Гордеева, – вон, Сергей не умеет подать себя с хорошей стороны.

– Главное, что он это понимает. На его месте не всякий бы признался в этом, – вразумлял женщин Тонаканян. И они его внимательно слушали.

Я смиренно молчал.

Глава третья

Андрей Королевич

Когда мы с женой вернулись из гостей домой, то за накрытым столом, в компании с бутылкой водки, обнаружили моего старшего брата Андрея Королевича. Брат был родным, но носил другую фамилию. В безусой юности Андрюша хвостиком ходил за Ираклием Королёвым и его в шутку величали Королевичем. Андрею нравилось такое обращение и при получении паспорта, сменив фамилию, он стал Королевичем официально.

Андрей закончил ГИТИС и даже послужил актёром Его Величеству Искусству. В театре, им были довольны, но он оставил сцену. Жена Королевича, Наталья Зозуля, училась с ним на одном курсе, после института жизнь с театром также не связала. Родила двух детей, Максима и Юлию. Занималась продажей квартир. Совсем недавно они похоронили опекаемого алкоголика в соседнем дворе и унаследовали его трёхкомнатную квартиру. Охота за жилплощадью на данный момент стала смыслом жизни для брата и его жены.

Перед тем, как идти спать в комнату отца, Андрей с увлечением стал рассказывать о своих похождениях с подопечными ему старичками Бирюковыми, чью квартиру после их смерти он с женой также намеревался заполучить в свою собственность. Волей неволей пришлось его слушать.

Попивая в одиночку водку, Королевич вещал:

– Звонила Анна Ивановна: «Дедушке плохо, умирает». Я туда, а там уже Зозуля. Наташка стирала. Бабка мне говорит: «Посмотри, какой Николай Карпович». И к нему: «Коля! Коленька, открой глазки!». А он лежит, глаз не открывает. «Что с ним?» – спрашиваю. «Да вот врача вызывали, скорая была. Послушали, сказали: «Воспаление лёгких». Сделали уколы. Пообещали...». «Что пообещали?» – спрашиваю. «Что до понедельника не доживёт». «Приговорили, значит? Сегодня суббота. Конечно, если в больницу не брать, – не доживёт». «Какая больница? Пусть уж дома лежит – умирает». Наталья освободила кровать, убрала лишнее тряпье. У него вся кровать была завалена. Лишнюю подушку убрали. Посидели, пообсуждали. Пришла соседка придурковатая, с их прежнего места жительства. Они с ней три года не виделись, и в этой их квартире она никогда не была. Что значит сарафанное радио. Пришла без звонка, без предупреждения. Леной представилась. Она всё больше о себе рассказывала, чем о дедушкином здоровье интересовалась. В тот вечер думал, Николай Карпович умирает. Я уже соболезнования от всех его друзей собрал. В воскресенье позвонил, бабка говорит: «Ему полегчало». Спрашивала у него: «Как дела?», он улыбнулся и поднял большой палец вверх. Посадили они его с Зозулей, накормили. А то лежал, в себя не приходил. А в понедельник звонит, перед обедом, говорит: «Николай Карпович умер. Приезжай скорей», – и заплакала. Я перезвонил ей, дал указания: «Звоните Наталье на работу, позовите её. В поликлинику звоните. Врача позовите, смерть констатировать». Приехал к Анне Ивановне, ещё нет никого, ни Наты, ни врача. Хорошо, что хоть позвонила. Я ей приказал окна закрыть, а она их не закрыла, а зашторила. Чтобы темно было. Смотрю, лежит Николай Карпович в своей кровати, на спине. Рот открыт, нижняя вставная челюсть, а точнее «мост» вылез из рта. Думаю: «Надо рот закрывать». Спрашиваю бабку: «Как там «мост»? На крючках держится?» – «Нет. Просто так. Без крючков». Я достал изо рта Николая Карповича и одну, и другую челюсть. Бабка отобрала у меня их, помыла и спрятала. Стали рот дедушке закрывать. Говорю: «Верёвка нужна». Она дала что-то вроде брезентовой лямки. Даже не знаю, от чего она. Ручки у сумок такие делают, только эта длинная была. Ну и как этой лямкой ни завязывал, рот никак закрыть ему не мог. Всё открывался и открывался. Тут Зозуля пришла, стала мне помогать. Попросила бинт, обернула потуже. Всё равно рот открывается. Ната психанула, кричит: «Как же мы его переносить будем?». Она его сразу же обмывать собралась. Постелили на пол клеёнку, на клеёнку поло-

жили простынь. На простынь стащили дедушку. Я за плечи держал, Наталья за ноги. Она его раздевать стала, я бабке: «Давай бельё чистое». Принесла белое мягкое исподнее. Я стал гладить это бельё, а Ната раздела дедушку, налила прохладной воды в тазик. На полу, в ванной, обтёрли дедушку мыльной водой, а затем чистой. Сначала Ната голову ему всполоснула, я всё размышлял в этот момент: «Надо? Не надо его мыть?». Думаю: «Хорошо, хоть она его моет». Я в это время гладил, был занят. Но всё равно, Зозуля подзывала, просила поддержать, когда раздевала. Я его за спину поддерживал. Потом обмыли, стали одевать. Он ещё тёплый был. Был настолько тёплый, – как живой, обычный человек. Мелькнула мысль, что ещё можно было бы его спасти. Но это было лишь какое-то мгновение. Я даже сказал об этом: «Может, спасти ещё можно?». – «Ну да, спасти», – огрызнулась Наталья. И тут понимай, что она имела в виду. То ли: «Не говори глупости, он умер». То ли: «Зачем спасать? Жду квартиры день и ночь!». Надели на него бельё, костюм синий. Крестика не было. Нашли алюминиевый крестик без ушка, Ната как-то продырявила его и вместо тесёмки бинт продела. Надели на шею. Опять стали с челюстью бороться, под подбородок подкладывая скатанную простынь. С ней вместе бинтом подвязали. Связали руки на животе и ноги вместе. Стали думать, куда класть его. Думаю: «На стол бы надо. Где такой взять? Стулья составить штуки четыре? Они узкие, упадёт». Решил дверь с петель снять, они в их квартире по два с половиной метра в высоту. Снял с ванной дверь и на три табуретки её положил. Постелил на дверь простынь. Положили дедушку и он вытянулся. Прямо на глазах вырос. Ходил-то, сутулился, горбился, – а смерть его выпрямила. Ждали медсестру из поликлиники, звонили, – не приходит. Зозуля в поликлинику сбегала, там ей сказали: «Ждите». И пришли не потому, что вызвали, а появились уколы дедушке делать. А бабка не предупреждает, что он умер. Говорит: «Проходи, посмотри на Николая Карповича». Медсестра увидела покойника с подвязанной челюстью, со связанными руками и ногами, вытянувшегося в праздничном костюме на двери от ванной и от неожиданности чуть было с каблучков своих не слетела. Сумку выронила. Когда пришла в себя, стала нервно выяснять: «К кому ходили? Почему не приходят? Вам не могли так ответить: «Ждите». Я знаю этого врача». Сама медсестра позвонила врачу в поликлинику, подтвердила, что покойника своими глазами видела. Констатирует смерть. Врач выписал справку и позвонил в труповозку. Приехала машина, зашёл мужик, стал на кухне документы оформлять. Потом стал спорить с Натальей, дескать, в морге платить придётся. «Мы здесь его обмыли», – говорит ему Ната. Он вошёл в комнату поглядел на покойника и говорит: «А зачем вы его одели? Я такого не повезу. Раздевайте». Лишь бы было к чему придраться. Потом перестал ругаться, спрашивает: «Кто понесёт? Я один. Надо соседей позвать». Говорю: «Я помогу. Носилки у вас есть?». – «Нет носилок». – «Шутишь?». – «В пакете понесём». Достал пакет, завернул дедушку. До лифта донесли, – я уже выдохся. Думаю: «Шесть этажей, да такие пролёты. Как же мы понесём?». Несу, голова деда между моих ног болтается. До лифта дошли, санитар лифт вызывает. А лифт там один, пассажирский. Дедушкины ноги санитар вверх поднял, а я держу его внизу. Не вертикально держали, а по диагонали. Потом он достал носилки, стал просить: «Дай на помин души. На бутылку. Вон, у меня радикулит, а я таскаю». Дал ему на бутылку, помог засунуть носилки в машину, и он вместе с дедушкой уехал. А когда мы с другом пришли получать его, чтобы везти хоронить, они в морге сказали: «А его забрали, увезли». Гера Сундаралов показал им документы, спросил: «Куда могли его увезти? Кто?». Они перепугались, забежали. А потом посмотрели: оказывается, сами перетаскивали на другое место. Облегчённо вздыхая, сказали: «Всё нормально». Я приехал к Анне Ивановне через неделю после похорон. Она поставила на стол салат. Свекла, картошка, помидоры, огурцы, – всё это заправлено майонезом неделю назад. А сказала, всё свежее. Я поверил, сел за стол, ковырнул одну помидоринку, а она мягкая, как будто солёная. А до этого щи дала, те, что на поминках ели. «Вчера я их прокипятила, а то бы они прокисли». Попробовал, думаю: «Не самая большая отравка, можно есть». Салат есть не стал, сказал: «Не хочу». А она его с аппетитом съела. На второе

подала обжаренную варёную колбасу с картошкой. Чуть-чуть, преодолевая отвращение, съел. Воспользовавшись тем, что она ушла в другую комнату делать ингаляцию, картошку положил в салфетку, колбаски подбросил ей в тарелку, а салат назад в салатницу. Вроде как всё съел. И всегда-то кормила тухлятиной, варёной колбасой с засохшими, завернувшимися краями. Картошкой, наполовину сгоревшей, наполовину сырой. То ли щи, то ли суп. Капуста плавает, и тут же рыба консервированная. Вонючий винегрет из холодильника доставала регулярно. Чай всегда спитой, в сотый раз «заваренный». Носик у чайника заткнут фольгой, чтобы тараканы не залазили. Сама Анна Ивановна больна всеми болезнями, но в еде и питье никаких ограничений. Принёс ей газированную воду «Тархун». Она ей понравилась: «Что же ты мне эту кисленькую раньше не показывал?». И ведь всегда, когда прихожу к ней, говорю: «Сыт, даже чай не смогу попить». А она своё. Тухлятиной кормит, и сама тухлятину ест. Думаю: «Притворяться? Неужели не чувствует, что еда протухшая?». Сама она из детского дома, работала в детской комнате милиции. А потом вышла замуж за Николая Карповича и работу бросила. Пришёл к ним в феврале, ещё Николай Карпович был жив. Анна Ивановна достала из шкафа дедушкин плащ и заставила меня его примерить. А он по размеру как раз на меня, но старомодный. Материал похож на габардин, а может, и был габардин. Сшит регланом, то есть округлые плечи, по моде тех лет. Китайская фабрика «Дружба». Говорю: «Хороший. Но сейчас зима, может весной или летом буду носить». Тогда бабушка предложила мне свою водлазку: «На. Носи. Я синтетику носить не люблю. Она вредная». – «Хороша», – говорю, – «поберегу на следующую осень». А сейчас, после смерти бабушки, повадился к ней врач со скорой помощи. Анна Ивановна всем квартиру оставить обещает. Он чуть ли не каждый день к ней заезжает «давление мерить, уколы делать полезные и дорогие, но даром». А однажды приехал этот «Айболит», а у неё дома я. Всё понял и быстро ретировался. А Анна Ивановна мне про врача рассказывает: «В последний раз, когда врач уходил, он обнял меня и хотел поцеловать в губы. Но я не позволила, отвернулась. Тогда он взял и поцеловал меня в щёчку». В тот же вечер предложила: «Оставайся». Я сразу не отказался, потом пожалел. Ушла куда-то. Нет и нет её. Думаю: «Фотографии что ли достаёт?». А она постель постелила. Да такую, какую только молодожёнам в их первую брачную ночь стелют. Рядом две огромные пуховые подушки и откинут уголок у одеяла. Дескать, приглашаем. Не удержался я от улыбки. И что говорить, не знаю, чтобы не осерчала. Она же свихнулась на мужиках, повсюду они ей мерещатся. Жаловалась: «Они и подглядывают за мной везде. И в ванной, и в уборной. И подслушивают всё, что бы я ни говорила. И начальника милиции подкупили, он их на вертолёт прямо ко мне на балкон высаживает». Нам с Наталкой даже пришлось Анне Ивановне балкон за свой счёт застеклить. «Да, нет», – говорю, – «сегодня надо домой». – «Да, ладно, ложись», – командует Анна Ивановна, – «Не бойся. Трепать я тебя не буду. Я же мужской ласки так и не познала. За Николай Карповича вышла, когда он уже больной был. Так всю жизнь и жила нецелованной. Воспитали честной. Другая бы на моём месте хвост задрала, а я мужа любила, не изменяла ему». Еле отговорился. Еле удрал. Накануне суда озлится, скажет: «Отпишу квартиру не тебе, а дохтуру». И что будешь делать? Натерпелся я с ней, бог свидетель. Врагу не пожелаешь. Начать всё заново, – я бы отказался.

– Эта бабка тебя ещё переживёт, – смеясь, подытожила Галина.

– Точно-точно, – испуганно согласился с ней брат.

– Ты чем сейчас занимаешься, артист? Театр бросил, – поинтересовалась Гордеева.

– В переходе за деньги поём.

– С кем поём?

– С замечательным человеком. Бывший психиатр, сорок лет ему, зовут Вениамином Ксендзовым. Как-нибудь я вас с ним познакомлю. У него такой баритон...

Не закончив свою речь, Королевич встал из-за стола и неровной походкой направился в комнату отца, чтоб лечь там на диван и забыться сном.

Глава четвёртая

Всё гениальное – просто

Поздно вечером, когда я, приняв душ, собрался ложиться спать, позвонил Родион Борисович и взволнованным голосом сообщил:

– Я придумал ещё три чудесные вещи. Во-первых, «вакуумный дирижабль», – он же может практически до космических высот подняться. Так что можно непосредственно с него выводить в космос космические корабли. А главное, после того, как вывели, дирижабль можно бросить, – он ничего не стоит. Вторая мысль. Ты же знаешь воздушные шары, которые взлетают на тёплом воздухе? Знаешь, почему взлетают? Потому что их надувают тёплым воздухом, а тёплый воздух, – он имеет меньшую массу, но больший объём. Потому что он тёплый и движется. Масса может, и та же самая, но зато он занимает больший объём. Поэтому удельный вес тёплого воздуха, при том же весе, – меньше. Когда горячий воздух остывает, то шар сдувается. В этом его главная проблема, что сдувается. Если бы шар надулся тёплым воздухом и потом не сдулся, а остался бы в прежнем объёме, то количество воздуха в нём было бы то же самое. Ну, например, закрыли бы отверстие чем-нибудь. Объём бы остался прежним, и воздушный шар не стал бы падать. А представь себе, что мы надуваем шар, а он обратно не сдувается, застывает. То есть, он не сдуваемый. Сделан из какой-нибудь смолы. Таким образом, мы его надули, полетели, а отверстие, через которое надували, – заткнули. В результате, даже если воздух в шаре остынет, – удельный объём его останется прежним, и он никуда не упадёт. Я тебе этот эффект могу продемонстрировать на медицинских банках. Тех, что простуженным людям на спину ставят. Представляешь их себе?

– Да-да, представляю, – устало подтвердил я.

– Как банки ставят? Берут, внутрь банки суют горящий фитиль, там образуется горячий воздух, затем ставят банку на спину. Воздух в ней остывает, начинает занимать меньший объём и образуется вакуум. А почему вакуум? Да потому что объём банки не уменьшился. А теперь представь, что происходит то же самое, но в чуть большем объёме. В результате мы берём и делаем шарик, из которого нам даже не нужно выкачивать весь воздух. Нам надо горячим воздухом его раздуть, – и всё! Знаешь, что это будет напоминать? Шарик для пинг-понга. Пока скорлупа горячая, – она тянется до нужного предела. А потом запаивается, обрезается, остывает, – а внутри возникает вакуум. Не полный вакуум, но зато мы можем добиться того, что шары будут летать, как китайские фонарики. Но только в отличие от фонариков, шары наши не приземлятся. Потому, что хоть воздух в них и остынет, но удельная-то плотность останется прежней.

– Как интересно, – позёвывая, сказал я.

– Шарик так и останется висеть в небе. Ну, примерно так же, как какой-нибудь поплавок в воде. Помнишь продавца воздушных шариков в кино? Он набрал сотню шариков и его унесло.

– Имеете в виду фильм «Три толстяка»?

– Такие же шары унесли Олимпийского мишку в восьмидесятом году. Потом они все полопались и мишка где-то приземлился. Так вот, если поставить на конвейер изготовление таких вакуумных шариков, – то всё остальное «фигня». То есть можно сделать любые конструкции, любые дирижабли, платформы, что угодно. И любителям воздушных путешествий не придётся мучиться с воздушными шарами. Мы можем просто торговать этими шариками. Нет, не шариками. Мы будем торговать приручённым вакуумом.

– Был «Продавец воздуха», а мы будем «Продавцами вакуума»?

– Ага.

– Вы говорили, ракету можно будет поднять в стратосферу.

– Суть дела заключается вот в чём. Основные проблемы у ракеты возникают не на околоземной орбите, а именно при старте. Дело в том, что всю эту многотонную «дуру» создают только для того, чтобы вывести на орбиту крохотный спутник размером с кулачок. Огромные, тяжелые, многотонные ракеты, – и всё для того, чтобы забросить на орбиту маленькую кабинку с парочкой пилотов. А ракеты ещё и падают. А представь, что мы на околоземную орбиту вывозим плато, с уже лежащей на ней ракетой? И расход топлива сократим, и всё это безопасно. Кстати она не разобьётся никогда.

– И не надо столько ступеней, если мы поднимем её до стратосферы.

– Совершенно верно. То есть, сколько веса сразу можно отбросить. А теперь посмотри, сколько весит эта вакуумная платформа? Смешно! Она ничего не весит.

– Ничего?

– Только вес материала, из которого она сделана. Но в связи с тем, что она огромная, – то её удельный вес будет крайне мал.

– Так что ракету она понесёт... Как это?

– Как пёрышко, – закончил за меня фразу Боев, – Это примерно так же, как мегатонные корабли возят и танки, и другие грузы. А почему? Потому что и с танками и с грузами в десятки тысяч тонн их удельный вес всё равно оказывается меньше веса вытесненной морской воды.

– А третье изобретение?

– Третье изобретение – материал. Он должен будет выдерживать хотя бы одну атмосферу.

– А почему не две, не три?

– Объясняю. Потому, что у нас давление воздуха, там, где мы находимся, равняется ровно одна атмосфера.

– На Земле давление одна атмосфера?

– Да, – радостно подтвердил Боев, – Одна атмосфера, именно так. А, например, коли ты будешь погружаться в воду, то там давление измеряется тоже в атмосферах.

– Увеличивается?

– Понятное дело, увеличивается.

– И при подъёме в воздух увеличивается?

– Нет, при подъёме оно уменьшается. И плотность воздуха уменьшается. Поэтому наш шарик будет подниматься до тех пор, пока его внутренняя плотность не сравняется с плотностью воздуха окружающей среды. То, бишь, он останется на том уровне, на той высоте, где плотность воздуха будет равна плотности нашего шарика.

– Где это, примерно, будет?

– Как сделаем. Чем больше шар, тем меньше его плотность, тем выше он поднимется.

– Это всё тоже рассчитывается технически?

– Конечно. По формулам. Легко.

– И что ж, может прямо доставить ракету к орбите? Или всё же придётся космонавтам лететь?

– Ну, по крайней мере... Помнишь, запускали в стратосферу шары на пятнадцать-двадцать километров? На такую высоту ракету точно поднимем.

– Оттуда проще, чем с Земли стартовать.

– Да, ведь ты пойми, у нас не будет никаких затрат на газы дорогие, на безопасность. Проект сам по себе очень дешёвый. Не требуется взрывоопасный водород, дорогуший гелий. Скажи, всё-таки здоровское решение? Я лично от себя в восторге. И главное, очень изящное. Потому что, ну что может быть легче водорода? Смешно! А ведь решение очевидное.

– Да. Очевидное.

– А вот самые очевидные вещи, они никому в голову и не приходят. Поэтому и говорят: «Всё гениальное – примитивно и просто». А главное, не нужно разрешения мирового сообщества. Просто берёшь горелку и делаешь вакуумные шарик.

Глава пятая

Знакомство с Таньшиной

На следующий день, в субботу, по двору неспешно прогуливалась Татьяна, выгуливая своего пуделя по кличке Дастин. Рядом с ней вышагивал Марк Игоревич Антонов, представившийся ей как старший по подъезду.

– Так, говорите, во втором подъезде проживаете? – заискивающе переспрашивал Антонов. – Внучка Ерофея Владимировича? Вы даже не представляете, в какой гадюшник попали. Это, доложу вам, не подъезд, а нечто среднее между цирком шапито и сумасшедшим домом. Докладываю обстоятельно и по существу. Начнём с первого этажа. Пятнадцатая квартира. Ну, дедушку вашего из деликатности пропустим. Шестнадцатая. Проживает «вечная мать» Элеонора Васильевна Вискуль. Она же Королёва, Гаврикова, Брянцева, Сердюк. Было пятеро мужей, было пятеро детей. Двое старших детей уже в могиле лежат, а она всё рождает, никак не остановится. Семнадцатая квартира. Беридура Станислав Мазаевич, борец с чертями. В прошлом году сел на «белого коня», бегал по двору нагишом, гонялся за бесами. В восемнадцатой – Медякова, медсестра из детской поликлиники, баба зловердная, самогонщица. Всех опоила своим зельем. Сам-то я, как пять лет назад бросил пить, так с тех пор в рот капли не беру. Даже вспоминать противно. В девятнадцатой – я, собственной персоной, проживаю, врач-терапевт Марк Антонов. Не Марк Антоний, а именно так, как сказал.

Татьяна заметила мою дочь Полину, вышедшую из подъезда, и не решавшуюся из-за Антонова подойти и жестом подозвала девочку к себе.

– Мы с Полечкой, оказывается, в один бассейн ходим. Сдружились, – пояснила девушка старшему по подъезду.

– Ах, так. Наверное, я вам надоел? – наконец сообразил назойливый ухажёр. – Пойду, мне за квартиру ещё надо заплатить.

Татьяна не стала его задерживать.

А Полину больше интересовала собака, которая хоть и была с характером, но позволяла детям, любящим животных, гладить себя.

Проснувшись в час пополудни, я вышел на кухню. Жена стояла у окна и наблюдала за кем-то во дворе.

– Что там увидела? – с притворным интересом осведомился я перед тем, как идти умываться.

– А ты сам посмотри, – предложила супруга.

Я глянул в окно и увидел ту самую красавицу Татьяну, из-за которой вчера чуть было инфаркт не получил. Она прогуливалась вместе с Антоновым. Мне не понравилось, что девушка смеется в ответ на слова, сказанные Марком Игоревичем. Заметив, что дочка подошла к ним, я с негодованием в голосе супруге заметил:

– Нельзя позволять Полине гулять с Ермаковой. О ней бог знает, что говорят.

– Во-первых, не с Ермаковой, а с Таньшиной. У неё такая фамилия. А во-вторых, у Татьяны сложная судьба, надо быть к ней снисходительным, – ответила Галина фальшивым голосом, оправдывая женщину, которую на дух не переносила.

Дослушав до конца наставительный ответ жены, я получил одну лишь пользу, – узнал настоящую фамилию Татьяны, но на душе стало ещё противнее.

Я, конечно, и сам был неискренен, требуя запрета на общение дочери с Таньшиной, но терпеть не мог, когда «включая в себе голос истины», лгала жена. Мне хорошо была известна нетерпимость Галины ко всем людям, «замаравшим» себя, ведущим, с её точки зрения, «неправильный» образ жизни.

Сама Гордеева вышла замуж девственницей и считала, что это обстоятельство возвышало её над «падшими женщинами» и давало ей индульгенцию на всю оставшуюся жизнь. Во время застолий она с гордостью об этом рассказывала, ставя себя в пример ветреным и, как она выражалась, «недальновидным» подругам. Мне ненавистно было в жене это высокомерие.

Сняв с веревки сушившееся на кухне полотенце, я направился в ванную принимать душ.

По субботам Полина посещала бассейн. Жена в этот субботний день с ней на занятия по плаванию не поехала, попросила меня её подменить.

В бассейне был открытый урок, – родителям раздали бахилы и пустили посмотреть, как обучают их детей разным стилям плавания.

На мгновение отвлекшись от Полины, демонстрировавшей мне стиль «баттерфляй», я заметил на противоположной стороне бассейна Танышину в закрытом синем купальнике. Почувствовав пристальный взгляд, Таня на меня посмотрела. И, о чудо! Она улыбнулась широко и открыто, как хорошему знакомому, и не просто ответила кивком, а приветливо и можно сказать, игриво, помахала рукой.

Конечно, это был жест вежливости, продиктованный исключительно её темпераментом, но мне показалось, что в этом её приветствии было нечто большее.

Домой мы с дочкой возвращались пешим ходом, в компании с Танышиной. Шагали не спеша. Татьяна была словоохотлива, но беседу начал я с самого, как теперь понимаю, непристойного вопроса о её родителях.

– Татьяна, скажите, какое у вас отношение к родителям? – фальшиво-назидательным голосом осведомился я.

– Ну, во-первых, они меня очень любят, – стала отвечать Танышина предельно серьёзно. – Я имею в виду отца и его вторую жену. И это останется со мной навсегда. А во-вторых, это грустная тема. Давайте, я вам лучше расскажу о том, как я училась на парикмахера.

– Давай, – согласилась Полина.

– Мой дедуля, Тихон Макарович Танышин, папин отец, – он по профессии железнодорожник-МИИТовец. МИИТ, Полечка, это Московский Институт инженеров транспорта. Так вот, дед всю жизнь проработал с железом, изучал в лаборатории прочность металла, делал эксперименты. Есть у него труды. Всё время, сколько помню его, носился с металлическими образцами. Я тоже, как и вся моя родня по отцовской линии, дядьки, тётки, поступила в МИИТ.

– И тебя туда тянули? – уточнил я, не от невнимательности, а больше из желания перейти с Таней на «ты».

– Я же и говорю, – обрадовалась Танышина, правильно понимая мотив моего вопроса и радушно улыбаясь. – После школы я думала, куда поступать? Надо было куда-то поступать, как все это делают. Но куда? В МИИТ, конечно. Я туда поступила, отучилась полтора семестра, то есть меньше года...

– А какие экзамены ты сдавала? – перебил я лишь для того, чтобы ещё раз обратиться к Тане на «ты».

– Математику, физику, по-моему, два сочинения, – принимая игру и широко улыбаясь, ответила мне Танышина.

– Устная математика? – поинтересовалась Полина, напоминая нам, что мы не одни.

– Нет, математика письменная. Причём я же поступала в институт после математической школы. Меня отец туда отдал.

– С какого класса? – задала вопрос моя дочка, на этот раз больше из баловства.

– Значит... Начать с того, что первые шесть лет я училась во французской спецшколе.

– А где родилась? – не успокаивалась Полина.

– Родилась и живу в Москве, в доме у станции метро «Алексеевская».

– А где гуляла?

– У дома и гуляла. А как подросла, – на ВДНХ. Это чуть дальше, но там интересней. Мой папа был преподавателем в математической школе и имел много частных учеников. И одна семья, а точнее, его ученица, Ольга Нестерова, впоследствии ставшая его женой, а мне заменившая матушку... Она, эта Ольга, училась во французской спецшколе имени Ромэна Роллана в Банном переулке. И они меня туда определили. Там я проучилась до шестого класса. Математику завалила по полной программе, и меня вышибли из этой школы. Там простая была математика, но я и её умудрилась сдать на «два». И тогда папа взял меня к себе в математическую школу. Знаменитая четыреста сорок четвертая школа в Измайлово. Что мне очень помогло при сдаче вступительных экзаменов в МИИТе. Потому что я блестяще, извините за хвастовство, там сдала математику. И не только сдала, но ещё и помогла половине аудитории, потому что подготовка в математической школе была хорошая. То, что спрашивали на экзамене в институте после первой сессии, мы проходили в девятом классе. То есть у меня был более высокий уровень. Училась я безобразно, надо сказать, так что папе пришлось подмухлевать и с аттестатом. Хотя всё напрасно. Учась в этом МИИТе, я вообще всё задвинула. Представляете, умудрилась после математической школы ту же программу на первой же сессии сдать на «двойку». То есть, вообще не сдать, завалить. После этого ещё немножко походила в институт и почувствовала – всё! Это не моё. Всё это черчение, начерталка... Почерк у меня был безобразный, рука слабая. Не рисунки выходили, а чёрт знает что. А училась я на энергомеханическом факультете. «Теория транспортного машиностроения и ремонт подвижного состава».

– Это такая специальность должна была у тебя быть? – подал я голос.

– Да. ТТМ и РПС – теория транспортного машиностроения и ремонт подвижного состава. Я до сих пор не понимаю, о чём сейчас говорю. Потому что не знаю, где это у электровоза находится, то, что я сейчас вам озвучила. В общем, в институт я ходить перестала, и тогда мой дедушка, Тихон Макарович, произнес сакраментальную фразу: «Чем с грязными железками всю жизнь валандаться, давай-ка, Танюша, лучше возись с грязными волосами». И так удачно получилось, что нашим соседом был очень пожилой журналист Николай Львович Низинский, который в шестидесятые годы освещал парикмахерские конкурсы в прессе. Писал заметки, и у него остались связи в этом парикмахерском деле. Он лично знал всех старых мастеров, именно он и подал деду идею, чтобы я поступала на курсы и стала парикмахером. Николай Львович даже помог мне. Позвонил, нажал нужные кнопки, и таким образом я оказалась на семимесячных парикмахерских курсах. Это Измайлово, улица Никитская, дом четыре «а». Достаточно знаменитые курсы были. Училась я на мужского мастера. Потом я их ещё раз заканчивала, когда захотела стать женским мастером.

– Курсы были платные? – спросил я.

– Нет. Нам ещё и стипендию платили, сорок рублей. Как мы тренировались? Было весело. Мы выходили на улицу искать «жертву». К нам приходили пенсионеры, дети. Все знали, что в этом здании школы можно бесплатно подстричься. Конечно, к нам приходили не очень имущие. Мы стригли их безвозмездно, иногда выстригая не то, что нужно. Я имею в виду лишнее. Помню первого своего клиента. Я посадила, начала стричь и только потом вспомнила, что не накрыла его накидкой и стригла прямо на одежду. Делала это всё, как само собой разумеющееся. А когда я делала ему окантовку над ухом... Это когда открываешь ушко и окантовываешь по кругу волосы. Я ему сделала полукруг где-то на сантиметр выше уха. То есть получилась такая выбритая окантовка, чудовищная. Ну, в общем, такие были мои университеты.

– Клиент возмущался после этого?

– Нет-нет. Они были абсолютно добродушны, так сказать, понимающие. Вообще наши мужчины, именно этот контингент, не очень имущий, им совершенно было наплевать на стрижку как таковую. Стрижка в Советском Союзе – это что-то омерзительное. Женская, ещё более-менее. Потому что всё-таки женщина и красота, женщина и уход за собой – это вещи сопряжённые. Но мужчины, которые должны были быть чуть менее страшными, чем обе-

зьяна и такими же вонючими, в лучшем случае политыми дешевыми одеколонами, такими, как «Шипр», «В полёт» и «Тройной»...

– А инструмент?

– Были, конечно, советские ножницы за два рубля пятьдесят копеек с пластиковыми зелёными кольцами, но они стригли всё, что угодно, только не волосы. Заламывали, закусывали прядь, но не перестригали, не отстригали. Хороший инструмент надо было покупать, и он очень дорого стоил. Знаменитая фирма «Золинген» выпускала блестящие ножницы, но они тогда стоили сто двадцать рублей, притом, что зарплата парикмахера была восемьдесят. Так ещё достать их нужно было, эти ножницы.

– Придержаться, – подсказал я.

– Да-да-да, – засияла Таня. – Впоследствии став уже женским мастером, когда только начала зарабатывать себе клиентуру, у меня появились женщины, очень редко, но выезжавшие за рубеж. Я им записывала, что бы мне хотелось, и они привозили. Например, фирма «Золинген», марка ножниц «Тондео». Расческу обрисовывала на бумаге, какую привезти. Всё оттуда.

– А что, кроме ножниц и расчески?

– Фены, конечно. Фен – это предмет особого шика. Потому что были гэдээровские фены чудовищные. Такие, как трубы, их неудобно было держать в руке. А шиком считался фен «пистолетом». Ручка пистолетиком. Особенно, если в нём много ватт, мощный. А ещё когда есть холодный наддув. Клавиша холодного наддува, моментального, – это всё! Сразу все только у тебя хотят стричься. Ну, как же, такой инструмент у неё! Это очень тогда котировалось. Но это всё началось, когда я перешла в женский зал. А до этого я три года отработала мужским мастером.

– После курсов ты где работала? – задала Полина вопрос по существу.

– На практику пошла, на Остоженку.

– Практика обязательно? – дополнил вопрос я.

– Обязательно. Это входило в семь месяцев. То есть пять с половиной месяцев я была на курсах на Никитской, где ловила для практики людей на улице. За это время я, наверное, человек десять подстригла. А потом, после пяти с половиной месяцев, посылали на официальную практику в парикмахерскую города. Сначала на подхвате, ну и постепенно тебе давали кого-то подстричь. Ребёнка, который не очень будет возмущаться, если что-то лишнее отхватишь, или пенсионера, пришедшего побриться. Тогда же в парикмахерских была такая услуга, – бритьё. Не было ещё борьбы со СПИДом. Брили. Ломали половинку лезвия «Балтика», вставляли в специальный станочек, который напоминал опасную бритву и – брили. Очень любили бриться представители кавказских республик. С рынков приходили бриться. У них щетина мощная была, нужно было долго распаривать. В общем, набивала руку.

– Как распаривать? – искры ревности заблестели в моих глазах, – полотенцем?

– Да-да, берёшь салфетку, окунаешь её в кипяток, валандаешь там, быстро отжимаешь и быстро накладываешь на лицо. И так несколько раз, чтобы распарить кожу.

– А какой пеной пользовались для бритья? – спросила Полина.

– Если не ошибаюсь, был мыльный порошок или сухое мыло. Я сейчас не очень хорошо помню. Горячей водой заливаешь, взбиваешь. Обязательно помазок. Нужно было купить помазок. Должен быть свой. Взбиваешь пену, намазываешь щёку, одну сторону. Обушком бритвы, то есть с обратной, не острой стороны, от виска немножко снимаешь пену, чтобы не залезть на линию виска. Потому что висок уже к стрижке относится. И вниз аккуратненько, такими подкашивающими движениями делаешь. Это своя техника. Нас учили на курсах брить шарики. Серьёзно. Мы покупали воздушные шарики, надували их, потому что нас учили брить не только лицо, но и голову. Мы залепляли бритву пластырем, шарик мазали пеной и брили. Если кто-то наблюдал за всем этим со стороны, было любопытное зрелище.

Незаметно за разговорами мы дошли до своего дома. Этот факт разочаровал, похоже, всех. Но обязанности суетной жизни заставляли прощаться.

– Было очень интересно, – поблагодарил я Татьяну и поинтересовался. – Как здоровье Ерофея Владимировича? Передайте ему от нас привет.

– Пока слаб. Обязательно передам, – отпирая ключом дверь, выразила признательность Танышина.

– Передайте наказ выздоравливать, – прибавил я, желая ещё хоть разок встретиться взглядом с красивой девушкой.

– Обязательно, – Татьяна сделала полупоклон и скрылась за дверью, из-за которой раздался запоздалый лай и повизгивание собачонки.

– Пошли, пошли, – стал толкать я дочку в спину, помогая ей подниматься вверх по лестнице.

Полечке, как и мне, домой идти не хотелось.

Не успели мы переступить порог своей квартиры, как жена спросила:

– Хлеба купили? Нет? Сходи, купи.

Дождавшись момента, когда Полечка, сняв верхнюю одежду, ушла в комнату, я, стараясь быть равнодушным, поинтересовался у Галины:

– А откуда ты взяла, что внучка Ерофея Владимировича была проституткой?

– Медякова сказала, – спокойно и уверенно ответила жена.

Спускаясь по лестнице, на площадке первого этажа я снова столкнулся с Татьяной.

– В магазин хочу сходить, – смеясь, отрапортовала Танышина.

– Моя жизнь складывается так, что я постоянно вас встречаю, – стал неожиданно для себя распускать я «павлиний хвост». – То вы по дворику гуляете, любезничая с Антоновым, то я вас вижу в бассейне. Теперь вот в подъезде.

– Вам это неприятно? – насторожилась девушка.

– Как вам сказать? Конечно, приятно, но вместе с тем и волнительно. Отвык я за долгие годы супружеской жизни от подобного рода волнений.

– Вы сейчас разговариваете со мной так же, как Антонов, которому кто-то рассказал сплетню, что я была проституткой, – не то, чтобы оскорбилась, но возмутилась Татьяна.

Я почувствовал, как от прилива крови задеревенели мои щёки, а уши стали горячими.

– Медякова, медичка со второго этажа, эту сплетню распространяет, – выдал я Зинаиду Захаровну.

– И вы с легкостью в это поверили?

– Признаюсь, поверил, простите меня. Я низкий плохой человек и с радостью готов верить всякой мерзости.

Татьяна пристально посмотрела на меня, но ничего не ответила. Было в этом взгляде много для меня загадочного.

– Знаете, – забормотал я, пытаюсь оправдаться, – сейчас поймал себя на интересной мысли...

– Какой?

– Я подумал, что даже если бы вы и работали проституткой, то это бы меня от вас не отвратило.

– Знаю. Порочные женщины привлекательны для мужчин, – обречённо промолвила Танышина, выходя из подъезда.

– Не порочные, а красивые и роковые, – поправил я Татьяну, шагая за ней следом.

Выйдя во двор, мы пошли не только в одну сторону, но и рядом.

– А вы, Сергей Сидорович, конечно же, какой-нибудь институт закончили? – первой прервала молчание девушка.

– Что значит «какой-нибудь»? Университет, – радостно похвастался я, – филологический факультет.

– Вы с самого рождения в этом доме живёте? – перескочила моя спутница на другую тему.

– Нет. Родился и первые четыре года я прожил на улице Большая Дорогомиловская, дом один. Угловой дом, считался генеральским. Когда-нибудь я вам его покажу. Там был прописан Будённый, ещё какие-то генералы, дядька мой родной там жил. Он в Великую Отечественную был комиссаром механизированного корпуса.

– Где-где вы жили? – не поверила Таня.

– Честное слово. Улица Большая Дорогомиловская, дом один, квартира один. В двухкомнатной квартире. В одной двадцативосьмиметровой комнате жили я, мой брат Андрей, папа, мама и бабушка, папина мама. А во второй комнате жила тётя, сестра отца, родившаяся без руки. Отец работал на первом МПЗ, Московском приборостроительном заводе. А мама – воспитателем в детском саду на Смоленской. Бабушка трудилась уборщицей и прачкой. Тётя работала в ЖЭКе, носила деловые бумаги из кабинета в кабинет.

– А в каком году вы Университет закончили?

– В восемьдесят пятом, и меня распределили в Плехановский.

– Да? Как интересно! Я там тоже какое-то время работала, но вас не видела, я бы запомнила.

– Я же не сказал, что работал там, меня туда распределили. Меня и ещё двух моих сокурсников. Завкафедрой там был мужик, я даже могу вспомнить его фамилию, у меня где-то книжка его есть. Распределили, и я уехал отдыхать. Мы ждали сентября, даже не сентября, а конца августа. В конце августа я вернулся и пришёл на кафедру. Дело в том, что восемьдесят пятый год – это начало перестройки, изменения всякие начались. Дан был приказ по вузам. Сейчас уже не помню, по всем вузам или только по гуманитарным кафедрам.

– Какой приказ?

– Сокращать преподавателей, чтобы больше платить остальным. Завкафедрой нам сказал так: «Я не могу вас взять на работу, у меня старые, заслуженные педагоги». Ему поступил приказ от ректора или от Минобра сократить три единицы. И он решил: «Что я буду своих увольнять, когда могу просто молодых не взять и как-то это оформить документально». Сказал нам: «Взять я вас не могу. Извините. Прощайте». Мы пришли в нашу учебную часть в МГУ. Обрисовали ситуацию. Нам говорят: «Наверное, он прав. Ищите себе работу сами». Такого раньше никогда не было. Что значит «ищите»? Университет должен был место предоставить. Делать нечего, стали мы судорожно ездить по кафедрам, искать себе работу, но ничего не нашли. Через месяц, в конце сентября, пришли снова на кафедру. Говорим: «Искали, но безрезультатно». Нам отвечают: «Даём вам ещё две недели. Вы не можете быть безработными. Если ничего не найдёте, мы вас определим учителями в московские школы. У них там есть вакансии, готовьтесь к этому».

– Учителями чего?

– Русского языка и литературы. У меня в дипломе написано: «Преподаватель русского языка и литературы со знанием иностранного языка». То есть я могу и русистом быть и преподавателем английского или испанского языка. Ну, а в скобочках спецификация: «Русский язык, как иностранный». Но это уже вторично. Вот тут я задумался: «Не для того я заканчивал отделение РКИ, чтобы преподавать оболтусам в средней школе грамматику. Буду искать». Дай вспомнить, куда я ходил. Ходил в Пищевой, там завкафедрой тётка пообещала мне: «Наверное, будет место, подождите». Но мне сама тётка не понравилась, да и мотаться на Сокол что-то не очень хотелось.

– Глаз на вас положила?

– Может быть, я уже не помню.

– Не в вашем вкусе была? – пыталась меня Татьяна.

– Ну да. Старше меня лет на двадцать, нет, на тридцать. Ей полтинник был, а мне двадцать лет. Куда-то ещё я сунулся, не помню. Попробовал в ГИТИС. Кафедра находилась не в основном здании, а в здании бывшего Моссельпрома. Там завкафедрой – мужик, сказал: «Я бы вас взял, что-то в вас есть».

– А что за кафедра?

– «Русский язык для иностранцев». Там же тоже иностранцы учатся. Говорит: «Взял бы, но у нас сейчас очень мало иностранных студентов, а преподавателей семь человек, нам с лихвой хватает. Но в принципе, можно было бы местечко выбить. Давайте подумаем. Я попробую. Зайдите недельки через две». Говорю: «Через две недели меня уже в школу отдадут». – «Ну, потяните, посмотрим, я попробую». Он ещё предупредил: «У нас поездок за границу нет». Меня это сильно кольнуло. Был молодой, знал языки, хотел за границу. Мечтал уехать в Африку, в Анголу, ещё лучше на Кубу, с испанским-то языком. В общем, все кафедры я объездил, крупные и мелкие. Надежд никаких, работы нет. И вот, в очередной раз поехал я в МГУ в учебную часть. Время от времени я туда позванивал, и мне обещали: «Возможно, мы вам что-то предложим». На самом деле ничего они предлагать не собирались. Это была тогда такая форма вежливого отказа. Но, как говорят в таких случаях, судьба меня туда погнала. Поехал, чтобы дома не торчать, в дороге как-то время провести. Иду к Университету, а мне навстречу Елена Андреевна Брызгунова. Это крупнейший специалист в нашей области. Она написала книгу «Звуки и интонации русской речи». В книге вывела все интонационные конструкции. Вот мы сейчас с тобой разговариваем и не задумываемся о том, как говорим. А оказывается, существует семь типов интонационных конструкций. Брызгунова читала нам лекции. Практические занятия не она вела, но я сдавал ей экзамен. Елена Андреевна меня запомнила и, на удивление, отметила. Я ей понравился. Прилежный ученик, хорошо отвечал. И встретил я её тогда не в Университете, а как раз посередине дороги от метро к Университету. Поздоровались. Она поинтересовалась: «Как у вас дела? Закончили?». – «Да, закончил». – «Как с работой?». – «А с работой у меня плохо. Ездил вчера в Энергетический, там мне сказали позвонить через неделю. Но я так понял, что ловить мне там нечего. Потому что, во-первых, молодой. А во-вторых, и это главное, им нужны преподаватели с рекомендацией. А какая у меня рекомендация? Рекомендации у меня нет». Брызгунова выслушала меня и спрашивает: «Серёжа, кто там завкафедрой?». Я говорю: «Людмила Ивановна Науменко». – «Передайте от меня привет. Скажите, что у вас есть устная рекомендация от меня. Если она захочет, то может мне позвонить». Я приехал в МЭИ, говорю Людмиле Ивановне: «Здравствуйте». Она мне: «Здравствуйте. К сожалению, ничем вас порадовать не могу». Говорю: «Елена Андреевна Брызгунова, вчера я её встретил, передаёт вам привет. И она просила сказать вам, что может дать мне рекомендацию». – «Елена Андреевна? Хорошо. Это меняет дело. Ну, давайте тогда завтра-послезавтра приезжайте». Так, за неделю до того, как судьба моя должна была крепко-накрепко связаться со школой, меня взяли на кафедру в энергетический институт, где я верой и правдой проработал семь лет.

Так за разговорами мы не заметили, как сходили в магазин, купили продукты, сделали несколько кругов по двору и, распрощавшись, разошлись по домам.

– Где ты пропадал? – был первый вопрос, заданный мне женой.

– Как где? За хлебом ходил, – искренно ответил я.

Жена с недоверием на меня посмотрела и задала второй вопрос:

– А чего счастливый такой?

– Так погулял, проветрился, – с той же искренней интонацией в голосе сообщил я, опасаясь, что жена задаст третий вопрос: «С кем погулял?». Но, как выяснилось впоследствии, жена знала, с кем, поэтому вопросов больше не задавала.

Глава шестая

Пощёчина. Фокусы

В воскресный день я вышел на прогулку. Во дворе заметил Татьяну, гуляющую с пуделем. Весь мир тотчас преобразился, и у бесцветной, пресной жизни моей сразу же появился и цвет и вкус.

Девушка заметила, что я на неё смотрю, и ей, как мне показалось, это понравилось. Татьяна широко улыбнулась и приветливо помахала мне рукой как хорошему, давнему знакомому.

Я подошёл к Танышиной, поздоровался и мы, не сговариваясь, пошли на бульвар, выгуливать пуделька.

– Приятно подышать свежим воздухом, – заговорил я. – Моя жена очень любит чеснок, но её работа с людьми не позволяет употреблять его в течение рабочей недели. Зато в пятницу и субботу она ест его, можно сказать, тоннами. Не спасает даже то, что спим раздельно.

– Вы не дружно живёте с женой? – преодолевая смущение, поинтересовалась Татьяна.

– Да, не дружно. Супруга давно живёт собственной жизнью, мало интересуясь тем, кто находится рядом с ней. С дочкой у неё свои отношения. Вчера пришёл домой, а они кричат друг на дружку, и это, как ни странно, приносило им радость. Для меня происходящее – скандал, ужас, сумасшедший дом, а для них – что-то вроде живого общения, творчества, обмена энергиями. Я же давно выпал из сферы их интересов, являюсь чем-то вроде домашнего животного, которого к тому же, в отличие от вашего Дастина, не надо выгуливать. Я пытался на это смотреть с пониманием, но всё нутро восстаёт против должности собачонки, отведенной мне в моём же собственном доме. Я, без сомнения, сам во всём виноват, надо было принимать более действенное участие в воспитании дочери. Но получилось так, как получилось. А сейчас уже поздно воспитывать. Полечка растёт самостоятельной, своенравной, не переносит, когда с ней нянчатся. Собственно, жена и ругается с дочкой из-за того, что Полина, по её мнению, чересчур рано стала предъявлять права на свою свободу. Я же, насколько это у меня получается, стараюсь не мешать ни дочке, ни жене. Что-то я всё о себе, да о себе, совсем на вас тоску нагнал. Расскажите лучше о парикмахерском деле. Вы так смешно вчера рассказывали, как надувной шарик брили.

– Да, – с ходу включилась Таня, – даже перманент, представьте, нас учили в мужском зале делать.

– Что такое перманент?

– Перманент – это такая завивка электрическая. Есть химическая завивка, когда используются коклюшки деревянные тонкие. Ты накручиваешь прядку на эту коклюшку, мажешь химическим составом, и она принимает форму этой коклюшки. Потом разворачиваешь, и на голове образуется «мелкий бес». То же самое можно сделать при помощи электричества и другого состава. Я, правда, уже не помню, на какой состав это делалось. Называлось «перманент», или «шестимесячная». Одним из элементов сдачи экзамена в мужском зале был такой: укладка «холодные волны на льняное семя». То есть варили льняное семя, получалась омерзительная желеобразная полужидкая, извиняюсь, как сопли, масса, и этой «прелестью» намазывали голову. И расческой и пальцами выкладывали такие, как в тридцатые годы, волны.

– На практику пошла на Остоженку? – вспомнил я.

– На Остоженку, – весело подтвердила Таня. – Это была мужская парикмахерская без женского зала.

– А ты у них так и называлась – практикантка?

– Да, практикантка. Я же там у них на практике была.

– А сколько было мастеров?

– По-моему, всего четыре кресла было.

– А график работы какой?

– Посменно. Если, например, ты работаешь сегодня утром с восьми утра до пятнадцати ноль-ноль, то завтра ты с пятнадцати ноль-ноль до двадцати двух ноль-ноль. По семь часов работали. Подсовывали мне там всё больше детей и стариков. А почему? Это самые дешёвые виды работы. И мастера, которые, естественно, работали себе на карман, – они этими работами брезговали. Потому что это всего сорок копеек. То есть сорок копеек, если это «скобка» или «полька» или так называемая «канадка». Если это «бокс» или «полубокс», это и того меньше, пятнадцать копеек. Они с охотой отдавали эти дешевые виды работ, потому что самое вкусное в мужской парикмахерской жизни тогда было – модельная стрижка. Модельная стрижка – это стрижка на пальцах. Она стоила рубль тридцать. А так как модельная стрижка одна никогда не делалась...

– «Стрижка на пальцах» – это термин такой?

– Да-да-да. Пряди зажимались между двумя пальцами, натягивалась прядь и срезалось над пальцами. И под пальцами оставалось то, что, собственно, ты и отмерила. И так прорабатывалась вся голова. Плюс какие-то углы обязательно задавались. Это называется «градуировка». Поэтому «модельная». То есть ты делаешь некую модель из волос, как скульптор делает своё произведение из глины. А такие простые стрижки, как «бокс», «полубокс», «полька», они делаются на расчёске. То есть ты расчёской, не пальцами, подцепляешь прядь и отрезаешь либо ножницами, либо машинкой. И так вот шаг за шагом.

– А грязную работу – практикантке?

– Ну, она не грязная, она дешёвая. Если модельная стрижка только одна стоила рубль тридцать, без мытья головы, которое стоило тридцать пять копеек, плюс ты помыл голову, её нужно высушить. Где высушить, там и укладка. Причём клиент же не знал всё это. Ты ему говоришь: «Давайте подсушим голову». Ну, он же не пойдёт на улицу с мокрой головой. «Ну, конечно, давайте». А ты вместо сушки ему делаешь укладку. Это ещё, допустим, сколько-то. А укладку же тоже делаешь на некий состав, на укладывающее средство. Или это гель, или это жидкость для укладки волос. Это ещё накрутка денег. А когда ты всё это уложила на эту жидкость, ты же должна зафиксировать причёску. Ещё брызгаешь сверху лаком. Рубль тридцать, таким образом, превращался в три рубля пять копеек. Три ноль пять, как сейчас помню. Но особо состоятельные люди, которые приезжали за модельными стрижками, платили, как правило, пять рублей, вместо трёх ноль пяти. Это был праздник. Поэтому, конечно, опытные мастера, чтобы не тратить время на дешёвые позиции, дешёвые виды работ, они, конечно, ждали своих клиентов. У всех была своя клиентура. Так вот. Отработала я полтора месяца на практике, немножко набила руку и вернулась на курсы сдавать экзамены. На экзамене, если не ошибаюсь, нужно было сдать пять видов работ.

– То есть серьёзный экзамен?

– Очень серьёзный.

– Пять человек должна была обслужить? – спросил я и осекся. Впрочем, Таня не обратила внимания на мою оплошность, не показала вида.

– Можно было всё это продемонстрировать и на одном человеке, – вдохновенно продолжала девушка. – Но лучше, конечно, на нескольких. Нужна была модельная стрижка, потом нужна была классическая стрижка. Это самое сложное, что может быть. Классическая мужская – в чём сложность? На затылке ты должна сделать некую ретушь, то есть, если мы берём на затылке нижнюю линию роста волос, где заканчивается на шее кожа и начинаются наши волосы. Это место называется «краевая линия роста волос». Там должен быть самый светлый оттенок и дальше постепенно он должен темнеть. Ножницами ты должна это так вывести. Но для этого ещё необходим определенный рост волос. Мужчин с таким ростом волос на затылке совсем немного. Поэтому Элвис, был у меня такой товарищ, стал просто находкой.

Я сделала эту классику, потом модельную стрижку, затем укладку на льняное семя, бритьё. Да, Элвиса, по-моему, – я и побрила.

– У Элвиса фамилия Пресли?

– Чередилов. Элвис Чередилов.

– Понятно. Ему же, бедному, и льняное семя на голову?

– А как же? Он – молодец, стойко перенёс все эти мучения. Так что довольно-таки сложный был экзамен.

– Была, значит, мужским мастером?

– Да-да-да и учила причёски абсолютно мужские. Через три года переучивалась там же на женского мастера.

– Ты про мужского мастера дорасскажи.

– А что там рассказывать? После обучения пошла в парикмахерскую, находившуюся по адресу метро «Фрунзенская», Оболенский переулок, дом семь. Там проработала год или полтора. Работа рутинная, в день по десять-четырнадцать человек. Работа страшно нетворческая. Даже модельные стрижки, которые намекали на какое-то творчество, все равно это было примитивное моделирование. Хотелось искусства, чего-то более возвышенного. И потом, у меня была подруга, Ольга Попова, мы с ней вместе учились, потрясающий мастер...

– А теория была при учёбе?

– Конечно. Даже обществоведению нас учили. А по специальности – санитария и гигиена.

Помню, даже военное дело у нас было, как ни смешно.

– На курсах?

– Да. Хотя все мы были уже не школьницы и не школьники, мягко говоря.

– Советские реалии, что же ты хочешь.

– Потом материаловедение. Нужно было знать шампуни, кремы, ополаскиватели, бальзамы, укладочные средства, лаки, состав для химической завивки. Вот это всё – это материалы, материаловедение. Потом – история парикмахерского искусства от древних времён. Как в Египте, что там крутили фараоны своим фараонихам. История моды. То есть, натаскивали. И Ольга Попова была и остается настолько потрясающим творцом, что она меня своей энергией просто заразила. Самой захотелось как-то соответствовать. И потом, будем откровенны, в женском зале, там совсем другие деньги. Мужчины, даже те, которые приезжали на дорогих автомобилях, то есть, были побогаче, – всё равно у них к стрижке было какое-то безразличие. У женщины никогда не бывает безразличия по поводу стрижки. Это совершенно другой мир. Мужской и женский залы соотносятся как школа и институт. Пойти в женский зал означает сразу перейти на уровень, а то и на два уровня выше. Пошла я учиться на женского мастера, на эти же курсы по той же схеме в Измайлово. Только уже десять месяцев. Семь с половиной месяцев на курсах, два с половиной месяца на практике, в парикмахерской. Потом – экзамены. И стала я женским мастером. Но имея опыт работы в мужском зале, я была в своей группе авторитетом. У меня был свой инструмент, дорогой на тот момент.

– Что входило в этот инструмент?

– Ножницы филировочные, ножницы простые, щётка для укладки волос, дорогая, заграничная. Фен дорогой, пистолетиком, мощный, свой пенный, это такое, чем накрываешь, такая клеёноччатая штука. Потому что накрывали тогда простынями больничнообразными. Особое дело, конечно, расчёски. Немецкая фирма «Геркулес», очень хорошие. Они были антистатические. Очень хорошо прочёсывали любую толщину пряди и волосы брали. Волосы же слоями на голове растут.

– И куда ты пошла после женских курсов?

– Я вернулась в ту же парикмахерскую на Фрунзенскую, в Оболенский переулок, где проходила практику. Меня взяли дамским мастером. Там я наработала свою клиентуру, ко мне записывались, было очень лестно. А потом Элвис открыл кооператив в Плехановском инсти-

туте. Он, не помню, или учился там, или уже его закончил. Короче, Элвис меня туда переманил. Потому что с дисциплиной у меня было неважно, и заведующая парикмахерской на Оболенском переулке, она меня шпыняла.

Прогулявшись по бульвару, мы вернулись во двор.

Когда подходили к подъезду, разговор наш неожиданно зашёл о живописи. Таньшина стала рассказывать о том, что с самого детства брала уроки рисования, делилась своими предпочтениями в среде живописцев. Делала это легко, без пафоса, без зазнайства. Я улыбался, слушая её голос, был счастлив так, как давно уже не был.

– Можно я, с вашего разрешения, покурю? – спросила Таня.

– Покури. Хочешь, пойдём в дальний магазин, чего-нибудь сладкого тебе к чаю купим?

– Да. Давайте, ещё походим немножко. Мне надо проветриться. Вообще-то я мало курю, но сегодня понервничала.

– Ты только представь, что я живу здесь с тех самых пор, как мне исполнилось четыре года, – восторженно заявил я, счастливый от того, что шагаю рядом с прекрасной девушкой. – Посмотри, все эти дома, что вокруг нас, строил завод. На нашей улице стоят аж две пятиэтажные школы, и они битком были забиты детьми, по сорок человек в каждом классе, и учились мы в две, а случалось и в три смены. В моей красной школе места не хватало, первые три класса занимались в помещении учебных мастерских. И это не двадцатые-тридцатые, а семидесятые годы, в столице нашей Родины городе Москве. У нас тут было настоящее гетто, итальянский квартал. Все жили очень бедно, велосипедов практически ни у кого не было. Я об этом рассказываю своим коллегам по работе, они удивляются: «Серёжа, где ты жил?». И в каждом дворе столько детворы было, столько молодых, пожилых и старых людей, что ежедневно кого-то хоронили или играли свадьбу. Представь: сто детей в одном дворе. Двор с двором ходили стенка на стенку. Чуть позже, когда людей стало меньше, дрались улица на улицу. А вот, посмотри направо: этого длинного шестнадцатиэтажного дома не было. На его месте стояли в ряд жёлтенькие двухэтажные дома, в которых проживали офицеры с семьями. Тут, чуть поодаль, воинская часть располагалась. И вот, мимо этих жёлтеньких домиков, мимо окошек с ажурными занавесочками и неизменной геранью на подоконниках я каждое утро вместе с братом Андрюшей, он на год меня старше, маршировал в детский сад, держась за указательный палец отца.

– Напишите об этом книгу, – предложила Таня.

– А ты, кроме как на парикмахера, нигде больше не училась? – я резко сменил тему, так как девушка затронула сокровенное.

– Наоборот, где и чему я только не училась. Я и музыкант, и музыкальный теоретик. Правда, последнее образование у меня незаконченное. Не «конченный» я, так сказать, музыковед. А друзья мои все художники и музыканты.

– Странно, всегда думал, что есть художники и есть музыканты. И это две разные, несовместимые сферы искусства. И человеческое сознание не способно совмещать...

– А у меня совмещает, – настояла Таня и озорно засмеялась. – А заодно и театральную, и литературную. Да-да, у меня даже публикации есть.

– Может быть, ты – член Союза писателей?

– Ну, какой я писатель. На самом деле, я больше художник. Хочу в МОСХ вступить, в секцию живописи или в монументалку. Туда даже лучше.

– А что это – «монументалка»?

– Монументально-декоративное искусство.

– То есть, ты с живописью на «ты»?

– Председатель секции живописи МОСХа считает, что – да.

– И живописные работы есть?

– Имеются.

– Покажешь? Приподнимешь завесу тайны?

– Я никакой тайны из этого не делаю. Приходите как-нибудь в гости. У меня их здесь на самом деле мало.

– Ты ими торгуешь или собираешь к выставке?

– В основном, сейчас пишу портреты на заказ.

– То есть ты пока ещё непризнанный талант? Можно так сказать?

– Наверное, да.

– На портреты живёшь?

– На портреты. В школе, где я детям преподаю живопись, платят мало. Дедуля помогает. Он один у меня остался. Трачу, можно сказать, его похоронные деньги. И живу у него не потому, что за ним пригляд нужен, а по той причине, что квартиру на Алексеевской стала сдавать жильцам.

– Ого!

– Да. Но денег, как известно, всё равно ни на что не хватает.

– А отец как же? Дед по линии отца?

– Дед Тихон Макарович умер давно. От него двухкомнатная квартира осталась на Пятнадцатой Парковой. Там надо косметический ремонт сделать и тоже отдать в наём. А отец мой с новой семьёй эмигрировал во Францию. Живёт в Марселе, ему не до меня.

– Тебе домой надо идти?

– Я, на самом деле, домой не очень спешу.

– Тогда давай ещё погуляем, надо же тебе весенним сладким воздухом подышать.

– Давайте. Мне на самом деле надо отдохнуть. Я с этими заказами...

– Кроме портретов, есть и заказы?

– Да, заказы всякие. То картинки, знаете, где-то подмалевываю. У заказчиков денег много, а со вкусом – беда. Выбрали не мои эскизы, а другие. Это рекламное агентство, которое является посредником между мной и заказчиком. Они сказали, чтобы моя работа не пропала, они из неё сделают афишку для другой фирмы. Пообещали и пропали. А я работала, спала по два, по три часа в сутки. Недели две с эскизами, и всё – коту под хвост. Пообещали заплатить и пропали. Ну, думаю, – молодцы. Вчера позвонили на телефон Ерофея Владимировича, я им его оставила, сообщили: «Директор вернётся из командировки, заплатим». Другая халтура была, матрёшки разрисовывала. Двое ребят организовали студию портретных матрёшек. Делают их по фотографиям, и в зависимости от количества членов семьи выходит количество матрёшек. Тоже засела в прошлое воскресенье за этот заказ. Я, конечно, раньше засела, но в красках делать начала в воскресенье. Сидела долго, сляпала. Заказчица должна была это дело забрать и не забрала. И – всё! Ребята молчат, больше заказов не дают. Может, с меня ещё денег ждут. Они болванки предоставляют, краски мои. А материалы ведь тоже денег стоят. Художником сейчас быть дорого. Если они мне ещё за болванки счёт выставят – вообще будут молодцы. А болванка – пятиместка. Вместо того, чтобы полезными делами заниматься, я на этих матрёшек воскресенье угробила.

– Тебе нельзя распыляться, ты и туда и сюда.

К этому моменту, обогнув двор, мы опять подходили к подъезду. Озадаченный её жалобами, – на вид Таньшина не выглядела ни уставшей, ни в чём-то нуждающейся, – я всё же решил предложить ей свою помощь. Пообещал Тане найти клиентуру на платные портреты. Записал её телефон, а точнее, телефон Ерофея Владимировича, стал диктовать свой, и тут вдруг, словно из-под земли, рядом с нами появилась моя жена.

– Так я и знала, кобель паршивый, что ты с этой... – закричала Галина и залепила мне оплеуху.

Я стал оправдываться, что-то говорить. Это было настолько неожиданно и, как мне показалось, совершенно незаслуженно. Случившееся было похоже на гром среди ясного неба, на скверную постановку в провинциальном театре. У этой сцены были зрители – Боев, Бери-

дура, Элеонора Васильевна Вискуль, Зинаида Захаровна Медякова, сидевшие на скамейке у подъезда. Много других людей со двора.

Татьяна не знала, как на происходящее реагировать. Она одёрнула залаявшего Дастина, и, наспех попросившись, увела пуделя вглубь двора. Потом я узнал, что как только она отвернулась, так сразу же и заплакала.

– Бегом домой, – скомандовала Галина и, не оглядываясь, направилась к подъездной двери, за которой вскоре скрылась.

Делать нечего, как нашкодивший школьник, я поплёлся за женой следом. Но злключения мои на этом не кончились, а можно сказать, только начались.

После пощёчины, прилюдно полученной от Гордеевой, домой меня не пустили. Причём, моя матушка, которая с Галиной всегда была в «контрах», на этот раз её поддержала.

Я поднялся на четвёртый этаж, позвонил в свою запертую дверь. Ключей у меня всё ещё не было. Из-за двери слышал голос матери:

– Иди к своей вертихвостке, у неё ночуй. Галя сказала, что жить с тобой не будет. Разведётся.

Делать нечего, я вышел на улицу, решил подождать, пока эмоции в доме улягутся.

Тем временем наступил поздний вечер, соседи, свидетели оплеухи, разошлись по домам. Я присел на освободившуюся скамейку у своего подъезда. Открылось кухонное окно пятнадцатой квартиры, что на первом этаже, и в нём показался Ерофей Владимирович.

– Заходи, без вины виноватый, – пригласил Ермаков, – я чайку со зверобоем заварил. Открыл банку с земляничным вареньем.

– Благодарю, только это и остаётся, – отшутился я.

– Давай-давай, я тебя жду, составь старику компанию, – настаивал Ерофей Владимирович.

Я подумал, что хуже уже не будет и решил подчиниться законам гостеприимства.

На кухне за чаем я всё не мог успокоиться, не оставляли мысли о случившемся. И, чтобы как-то развлечь меня, Татьяна принесла из комнаты колоду карт и стала показывать фокусы.

– Вы знаете, как делается фокус «вынимание кролика из шляпы»? – поинтересовалась девушка после того, как Ерофей Владимирович оставил нас, отпросившись прилечь на минутку. – Знаете, почему его так обожают фокусники? Потому что это самый простой фокус из всех существующих.

– Расскажи, – предложил я, поощряя желание девушки меня приободрить.

– Для этого фокуса нужна только шляпа. Можно даже у зрителя взять.

– Даже так?

– Даже так.

– Я думал, необходима шляпа с двойным дном.

– В том-то и вся прелесть, что фокус простой, но очень эффектный. И подготовиться к нему очень легко. Конечно, его может делать и один фокусник, но лучше, когда у него есть ассистенты.

– Один играет на аккордеоне в качестве музыкального сопровождения, – стал подсказывать я, – а второй, подсадка в шляпе, сидит в первом ряду.

– Нет-нет-нет-нет, – отказалась от моего предложения Таня.

– Ну, хорошо, не буду перебивать.

– Я вам расскажу, как можно сделать фокус без всяких помощников. Более того, я могу обойтись, без сцены. В парке его показать, будучи окружённой толпой.

– Ты так легко всё это обещаешь. Брат у меня по профессии актер, летом будет выступать в нашем парке с эстрады. Сможешь показать этот фокус?

– Я могу много фокусов показать, но тут одна вещь.

– Нужен кролик?

- Ну, во-первых, кролик. А во-вторых, к этому нужно ещё подготовиться.
- Кролика в зоомагазине можно взять напрокат.
- А можно и не кролика, а например, кошку. Вон, их сколько у нашего подъезда. Любое животное, которое может смирно, тихо сидеть.
- Да, кролики тихо сидят, в отличие от кошки.
- Поэтому фокусники предпочитают работать с кроликами. Повторяю, этот фокус примитивный, легко исполняется, ничего не требует. Ты даёшь на проверку шляпу, её смотрят, щупают. Говорят, иллюзионист кроликов где-то за пазухой прячет, в рукаве. Так вот фокусник может быть в одних плавках.
- Это такая красивая девушка, как ты, может выйти в одних плавках, а над фокусником в трусах смеяться станут. Ты прямо какие-то чудеса рассказываешь. Форма одежды будоражит воображение сильнее предстоящего иллюзиона. Хочешь сказать, что фокус может проделать и голая артистка, наряженная лишь в туфли на высоком каблуке и бабочку?
- Да. Можно и в таком виде, – смеясь, подтвердила Таня. – Так вот. Есть одна маленькая тонкость. К фокусу надо подготовиться. А именно – цилиндр должен быть чёрным.
- А кролик?
- Любого цвета. Хоть светящийся, мигающий всеми огнями и всполохами. Это неважно.
- Ты заинтриговала. Я, как говорят, весь – внимание.
- Как только расскажу, сразу поймёте, насколько просто этот фокус делается. Суть заключается вот в чём. Шьётся чёрный мешочек, в который сажается кролик. У мешочка есть металлический крючок. И когда фокусник выходит в плавках, показывает пустую шляпу и разговаривает с публикой...
- В это время мешочек с кроликом у него за спиной?
- Нет. Он же в плавках. Либо он его заранее заготовил, – подвесил где-то, либо если он ходит среди толпы, то там должен быть его человек, его помощник с мешочком.
- В котором сидит кролик, – уточнил я.
- Да, – согласившись, продолжала Таня. – Например, у фокусника столик. Обычный столик, открытый. Но он должен быть слегка украшен. Например, взяли и салфетку на него положили. Маленькую салфеточку на открытый столик. За край столика подвешен мешочек, он висит и на него никто не обращает внимания. Мимо ходят люди.
- Но тебе ассистент всё-таки понадобится, чтобы отвлечь публику на мгновение.
- Ничего подобного. Например, ты можешь выйти на эстраду в плаще, в одежде, с кроликом в кармане. И раздеваясь, снимая с себя всё, заодно повесить на край стола мешочек с кроликом. И вот, как вы мечтаете, артистка цирка разделась и полуголенькая в шляпе ходит, представляется. Снимает шляпу, кланяется, делает реверанс. Один взмах рукой, очень изящный, и она поддевает шляпой этот мешочек. Кролик оказывается внутри шляпы.
- Хорошо бы ещё задник чёрный был, – включаясь в игру, подсказал я.
- Необязательно. Главное, – кланяться и рукой махать. Один взмах, другой, третий. А в какой взмах она подцепила мешочек, будут знать только кролик и фокусница.
- Услышав, о чём мы говорим, на кухню вернулся Ерофей Владимирович и подключился к нашей беседе.
- Вы, наверное, слышали про братьев-близнецов, которые показывают иллюзию, выдавая себя за одного человека? В моей семье в иллюзионе принимало участие аж четыре поколения. Прадедушка, дедушка, папа и я, – все мы выдавали себя за одного человека.
- Это какой-то новый жанр? – не понял я. – Как вы могли выдавать себя за одного человека? Вы же не близнецы и потом, разного возраста.
- Именно, – обрадовался моему недоумению Ермаков. – Совершенно верно. Наше представление называлось «Эликсир молодости».

– Дедушка, расскажи Сергею подробно, как герой вашего спектакля у всех на глазах молодел, – попросила Таня.

– Такой вопрос, – зная набожность Ермакова, перебил вдруг я, – вера в Бога и демонстрация фокусов – вещи совместимые?

– А почему нет? – удивился Ерофей Владимирович. – Это же не жульничество, не мошенничество, а обычное представление. В цирке все артисты глубоко верующие люди. И всегда такими были, что бы там кто ни говорил.

– Ну, расскажи, – настаивала Таня.

– Охотно, – согласился Ермаков. – Во-первых, молодой человек должен знать, что я из прославленной цирковой династии. Не стану забивать вам голову своей родословной. Поверьте, все предки мои были известными и даже знаменитыми в цирковом мире людьми. Во-вторых, возвращаясь к нашему знаменитому номеру, все мужчины в нашем роду были фенотипически очень похожи друг на друга. Практически близнецы с маленьким нюансом – разного возраста. Что, собственно, и привело к мысли о спектакле, слава о котором прогремела на весь мир. Ещё прадедушка начал работать его со своим сыном. Ну а когда в арсенале прадедушки появился внук и правнук, тут, как говорится, сам бог велел сделать иллюзию под названием «Эликсир молодости». Когда на свете меня ещё не было, они втроём работали номер под рабочим названием «Дориан Грей». Тогда очень популярно было произведение Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». И они делали нечто подобное, только на сцене не портрет, а человек на глазах у всех старился, а порезанный ножом портрет молодел. То есть на сцену выходил мой отец, будучи совсем ещё молодым человеком, и начиналось действие, в процессе которого на глазах у восхищённых зрителей он старел. Разыгрывалась целая мистерия. Вокруг героя в неверном свете под музыку ходили его приятели, женщины, недоброжелатели, мигал стробоскоп, а затем на героя направлялась так называемая «театральная пушка», яркий слепящий свет, и публика ахала. Не исчезая из вида, так сказать, не выходя из поля зрения, человек превращался в старика, а портрет молодел.

– С людьми-то понятно, менялись незаметно для глаз публики. Сына подменял отец, отца – дед, а как же с портретом? Как сделали, что портрет молодел?

– Какой он у тебя наивный, – засмеялся Ерофей Владимирович. – Это совсем просто. Заготавливались несколько картин, в том числе и запасных, на всякий случай, которые также незаметно подменялись.

– Чем представление заканчивалось? Старик на согнутых ногах шагал, неся перед собой портрет с изображением молодого Дориана Грея?

– Всё это присутствовало, но на этом точку ставить было нельзя, аплодисментов не зарабатываешь. Мы же были как боги в глазах людей. Вспышки, музыка, трах-тарабах, и на сцене, не сходя с места – снова молодой герой с целым портретом, на котором он тоже молодой. Вот тут публика начинала неистовствовать. Ведь у неё же на глазах происходило чудо. Да, с большим успехом они играли своё представление. «Как это всё происходит?» – никто понять не мог. Даже люди, посвящённые в тайну, и те наблюдали за работой моей семьи, раскрыв рот. Предки любили гастролировать. Все приготовления держались в секрете, и принимающая сторона, как правило, ничего не знала. Это для всех был сюрприз.

– А когда вы работали в их номере «Эликсир молодости», сколько лет было вашему прадеду?

– Восемьдесят. Но перед омоложением он называл другую цифру. Всем говорил, что ему – сто двадцать.

– Правильно, чем он хуже сегодняшних жуликов, издающих книги о здоровье, которые пишут, что в свои шестьдесят им сто тридцать. И размещают на обложке свою пропитую физиономию.

– Прадед не жульничал, это же – сценический образ. Мы вчетвером играли и ещё один спектакль, кроме «Эликсира молодости». Показывали представление на Новый год. Выходил Старый год в наряде Деда Мороза, но только, разумеется, без всякого грима. И под звон курантов, так же под музыку, в окружении зайчишек, лисичек и белочек у всех на глазах молодел, превращаясь в Новый год. У него постепенно укорачивалась борода, а затем и вовсе исчезала.

– А как это делалось технологически? Как вы бороду укорачивали?

– Да не укорачивали, это уже были другие люди.

– А как подмену осуществляли? Заходя за елку?

– Да самое простое. На сцене имелся столбик, и за ним «заряженным», то есть готовым к выходу, стоял один из участников представления. Старый год шагал и якобы проходил сквозь столбик. Заходил за столбик, а «заряженный», выходя, как будто продолжал его движение.

– Знаете, – заявил я самонадеянно, – а я ведь тоже ваш. Хотите, расскажу, как я соприкоснулся с цирковой жизнью?

– Всенепременно, – поддержал меня Ерофея Владимирович.

– Началось всё с того, – стал хвастаться я, – что подобрал я на улице котёнка. Маленького, беспомощного. Кузе, так я его называл, был всего месяц. Принёс я его домой, накормил, приучил к лотку и стал заниматься его пристраиванием. Звонил друзьям, соседям, никто не изъявлял желания забрать котёночка. Небезызвестная вам Зинаида Медякова предложила мне: «А ты его надрессируй и отдай Куклачёву». Все, услышавшие её совет, включая вашего покорного слугу, над ней посмеялись. Легко сказать, «надрессируй». Дрессура – штука тяжёлая. Но всё же в голове моей эта мысль застряла, и я стал пробовать, принялся проводить с Кузей занятия. Котёнок был игручий, контактный, и вскоре мы добились с ним первых результатов. Я соорудил невысокую круглую тумбу, обитую плюшем. С неё наше представление и начиналось. Я научил Кузю делать стойку. Он замирал, сидя на задних лапах, спина у него при этом держалась прямо, лапки – на груди, а подбородок приподнят. Затем, по моей команде, он прыгал на мою подставленную ногу, забирался по мне на плечи и дважды обходил вокруг моей головы. Первый круг – по плечам, спине и груди, второй круг – по кольцу из моих сомкнутых рук, которые я держал перед собой. Затем Кузя спрыгивал на стул, стоящий рядом, а с него через препятствие – подставленную руку, – он перепрыгивал на тумбу. И по моей команде: «Ап!», – делал стойку. Предполагаемые зрители в этот момент должны были устроить ему овацию. Разумеется, после каждого выступления, удачного и не слишком, я Кузьму вкусно кормил.

Таня и Ерофей Владимирович, не сговариваясь, одновременно громко захлопали в ладоши.

– Правда-правда, – смущаясь и краснея, стал уверять я.

– Верю каждому вашему слову, – успокоил меня Ермаков. – Но вынужден извиниться, я ещё не вполне здоров, пойду, прилягу.

– А что с вами? Что тревожит?

– Да видишь ли... Тут такое дело. Три года назад четырёхлетнего ребёнка заперли в комнате, он включил приёмник и слушал радио, религиозную передачу. Взрослые Новый год отмечали, уединились, чтобы дитё им не мешало. А затем смотрят, ребёнок не спит, привели в комнату, где ёлка и накрытый яствами стол. Поставили Толика на табурет и попросили почитать что-то из любимого наизусть. Повеселить, так сказать, пьяненьких сытых гостей. А тот возьми да и прочитай им псалом сто тридцать восьмой, который слышал только что по приёмнику. Да слова сказанные священником о суете, как то: «С самого детства окружаем мы человека мелочностью, ложью. Внушаем ему не искать, не жаждать глубины, а желать мелкого, призрачного счастья и маленького призрачного успеха. Потому что приковываем его внимание к суете и тщетному. И вот зарастает в нём тайный орган света и любви. И наполняется его мир липкими потёмками неверия, скепсиса, эгоизма, ненависти и злобы. Но и в этих потёмках, в этом страшном падении и измене, – не оставил нас Бог». Элеонора Васильевна решила, что это я

Толика всей этой «религиозной мути» научил и пригрозила, что не станет больше просить меня сидеть с младшим сыном.

– Если не вы научили, откуда знаете про псалом и так точно цитируете то, что мальчик вешал в новый год с табурета?

– У Анатолия феноменальная память, – запоминает наизусть всё, что слышит. Он мне сам потом всё это в подробностях и рассказал. Одно дело грозиться, что не оставит, а другое дело, когда оставить мальчишку не на кого, – с болью в голосе закончил Ермаков.

– А большой он, сто тридцать восьмой псалом? – поинтересовался я.

– Хочешь послушать?

– Хочу.

– Господи! – стал декламировать Ерофей Владимирович по памяти, – Ты испытал меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю. Ты разумеешь помышления мои издали. Иду ли я, отдыхаю ли, – Ты окружаешь меня, и все пути мои известны тебе. Ещё нет слова на языке моём, – Ты, Господи, уже знаешь его совершенно. Сзади и спереди Ты объемлешь меня, и полагаешь на меня руку Твою. Дивно для меня ведение Твоё, – высоко, не могу постигнуть его! Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, – и там рука Твоя поведёт меня и удержит меня десница Твоя. Скажу ли: «Может быть, тьма скроет меня, и свет вокруг меня сделается ночью», – но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день: как тьма, так и свет. Ибо ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей. Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознаёт это. Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них ещё не было. Как возвышены для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их! Стану ли исчислять их, но они многочисленнее песка; когда я пробуждаюсь, я всё ещё с Тобою. Испытай меня, Боже, и узнай сердце моё; испытай меня и узнай помышления мои; и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный.

– Честно говоря, думал в псалме всего две строчки, – признался я.

– Ты же сам, Сергей, знаешь, что у Толика феноменальная память. Его бы в школу для вундеркиндов, а Элеонора определила сына в школу для дураков, так как она рядом с домом. Сама об этом хвасталась: «Пришла к директору, плакала, говорю: „Пожалейте меня, чёрную вдову, запишите младшенького к себе“. Записали. Удобно. Школа рядом, дорогу не переходить». А то, что он всё там растеряет и ничего не найдёт, – это её не волнует. Все мы, родители, впрочем, такие, – прикрываемся заботой о ребёнке, а на деле делаем так, как нам самим удобно.

Ерофей Владимирович ушёл, оставив меня с Таней наедине. Повисла неловкая пауза.

– А кто такая эта Элеонора? – шепотом спросила Таньшина.

– Это Элеонора Васильевна Вискуль, матушка Толика.

– Это я поняла. Мне Марк Игоревич Антонов рассказывал, что у неё было несколько мужей и много детей.

– Да. Первенца Элеоноры Васильевны звали Ираклием Королёвым, назвала в честь мастера художественного рассказа Ираклия Андроникова. Он с шестидесятого года. Ираклий был здоров, красив, музыкален. Во дворе его все звали Королём. В соседнем подъезде жила семья цыган, в этой цыганской семье был знаменитый на весь наш двор пожилой певец Коля. Этот Коля-цыган отдавался исполняемой песне полностью, «горел». Сам радовался и светился, исполняя песню, и эта радость и свет передавались слушателям. Этому-то и научился у него Ираклий. Цыгане, вместе с Колей, уехали, а Ираклий к тому времени вошёл в силу. Собственно, Колю-цыгана я и слышал всего раза три, а Ираклия имел возможность слушать постоянно. Он внёс в знакомую манеру исполнения себя, свою молодость, свою энергию. Он пел, не уставая, на всех свадьбах, всех праздниках и даже в будни. Бывало, идёт по улице с ком-

панией и поёт. Из окон высовываются зеваки и приглашают зайти. А Ираклий спрашивает: «Выпить найдётся?». И у кого горячительное находилось, к тем заходил.

Элеонора Васильевна как-то легкомысленно относилась к тому, что её первенец постоянно был пьян. Он, конечно, не валялся в грязи под забором, но даже мне тогда было ясно, что жить так не стоит.

Женился Ираклий на моей соседке из двадцать третьей квартиры Вале Соловьёвой и, когда хоронили мужа Медяковой, то напился так, что остался у них ночевать, спал на полу без подушки и подавился своей отрыжкой.

Его гроб на табуретах стоял во дворе. Элеонора Васильевна убивалась, плакала в голос. Хоронили Ираклия не только друзья и товарищи, но и все поклонники его таланта. Народа было уйма!

Думаю, мой старший брат Андрей, многое по исполнительской части у Ираклия взял. Я имею в виду не только манеру игры на гитаре, но и открытость, артистизм. Именно Ираклий подтолкнул его к мысли стать актёром. Андрей поёт песни из репертуара Ираклия и с точки зрения исполнительского мастерства делает это даже лучше, профессиональнее. Придаться не к чему. Вот только того света и того горения, что были у Короля в Королевиче нет. Ираклий, во время исполнения, словно отрывался от земли и парил над всеми нами в воздухе, Андрей крепко держится за землю и даже где-то старается зарыться в неё. Впрочем, это только мои ощущения. Брат поёт профессионально, но не тратится, можно сказать, делает это экономно. Ему, конечно, тоже аплодировали и аплодируют, не зря с юных лет ему дали прозвище «артист». И девочки всегда смотрели на него восхищёнными глазами, когда он пел. Но до Ираклия или даже до Коли-цыгана ему далеко. Впрочем, я, наверное, ему завидую и отвлёкся.

Второй сын Элеоноры Васильевны Герман Гавриков, мой сверстник с шестьдесят третьего года, назван так в честь второго космонавта планеты Германа Титова. Мы с ним вместе ходили в детский сад, были в одной группе. Я даже пострадал из-за его длинного языка. Герман похвастался, что у него дома в клетке живёт волнистый попугай. Меня это сильно задело, и я солгал, сказав, что у меня дома, в клетке живут сразу два попугая, самец и самка. Гавриков поделился новостями с мамой, а Элеонора Васильевна была в нашей семье частым гостем и достоверно знала, что пернатых у нас не водится. Пожаловалась моим родителям. Дома был целый скандал. Мама меня стыдила так, словно я сделал что-то страшное. Ощущение было такое, что я самый плохой человек на свете. «Заставил мать краснеть! Я была готова сквозь землю провалиться!». То есть с самого детства спрашивали с меня, как со взрослого, не разрешали ребёнком побыть. А к Андрею у родителей такого серьёзного отношения не было. Он вытворял всё, что хотел, и на его проделки они смотрели сквозь пальцы. Так, словно это был соседский мальчик, а не их родной сын. Почему это так было, не могу сказать.

Герман читал уже в пять лет, рисовал пионеров, строил идущих к светлomu завтра, в детском саду я ему завидовал. Но школа давалась ему тяжело. Закончил ПТУ, служил в армии, работал в милиции около года. Сейчас – охранник в автобусном парке. Сутки работает, трое дома. В свои выходные помогает братьям и отчиму металлолом собирать.

Третий сын Элеоноры Васильевны Всеволод Брянцев был с шестьдесят пятого года. Увлекался, как и его мать, эзотерикой, прыгал с высоких этажей на землю. Сделал это смыслом жизни и добился в этом определённых успехов, можно сказать, прославился. Приезжали люди с телевидения, брали у него интервью. Снимали на телекамеру его прыжки. Поощряли словесно, направляя его к новым достижениям, к новым высотам. Сева, бедный, послушался их, прыгнул и разбился.

После его смерти Элеонора Васильевна надела чёрное платье и с тех пор ходит постоянно в трауре.

Четвёртый её сын – Вадим Сердюк с восемьдесят первого года. Сызмальства занимается гимнастикой, делает сальто-мортале и бегает по стене. Так же, как покойный Всеволод, пробует

штурмовать высоту. Надеюсь, что у него получится то, что не получилось у старшего брата. А именно – преодолеть притяжение земли и взлететь.

Вадим – сверстник и друг моего племянника Максима, сына брата Андрея.

Пятый сын Элеоноры Васильевны – Толик, с восьмидесят шестого года. Вискуль родила его в пятьдесят три года, не обращая внимания на пересуды и насмешки.

Анатолий имеет, как ты слышала, феноменальную память. Мать посчитала это отклонением от нормы и записала его в школу для дураков.

У Элеоноры Васильевны новый муж, усыновивший Толика. Она всегда жила с мужчинами. По её словам, Аскольд Дмитриевич – опустившийся учёный из Новосибирского Академгородка. Ну как? Исчерпывающе?

– Да. Ты лучше, чем Антонов, – многозначительно подтвердила Татьяна и, смущённо улыбнувшись, вдруг спросила, – А как ваши родители друг с другом познакомились?

– Хороший вопрос, – стал вспоминать я. – Мне рассказывали, но я забыл. Честно говоря, сие мне не известно. самого мучает этот вопрос, надо будет узнать. Мама родилась в Смоленске, отец – рязанский. Но он рано со всей семьей переехал в Москву, где-то в начале тридцатых годов. Сидор Степанович фактически, здесь, в столице, и вырос. Года в два сюда переехал. Он с тридцать второго, а мама – с тридцать четвертого. Отец всю жизнь на заводе работал, как я уже говорил, а мама – в детском саду.

– В школе она не работала?

– Был короткий период, когда она преподавала в школе. Она, действительно, закончила педагогический, но вот вышла замуж, устроилась в детский сад и до сих пор работает там воспитателем.

– А вас сразу направили в люди?

– В смысле?

– Настояли, чтобы вы в Университет поступали.

– Ну, да. Не только настояли, готовили. Мама по пять рублей платила за каждый час занятий. Английский язык, история.

– На экзаменах что надо было сдавать?

– Сочинение по литературе, устный русский язык, история и английский.

– На что сдали?

– Сочинение написал на «четвёрку». Тема раскрыта, две ошибки дурацкие сделал. Написал: *«будующий»*, – что-то такое.

– А разве не верно? – посмеялась Таньшина. – Ну, дальше. Слушаю.

– Устный русский на «пять», историю на «четыре» и английский на «пять».

– Что ж с историей споткнулись?

– На экзамене очень сильно разволновался. До того сильно, что можно сказать, дар речи потерял. Хотя всё знал.

– В комиссии свои люди были?

– И свои люди. То есть тот, кто готовил...

– Тот сидел в приемной комиссии?

– Ну, не все. Их друзья, допустим, сидели. Эта практика всегда существовала. Видишь, по истории, хоть и готовился, но невнятно ответил. Но было ясно, что проходного балла хватит. У меня в школьном аттестате было «четыре с половиной» или «четыре-семьдесят пять», сейчас уже не помню.

Рассказывая про отметки в аттестате, я обратил внимание на связку ключей, лежащих на подоконнике. Ключи мне показались знакомыми. Встав из-за стола, я приблизился к драгоценной пропаже и взял связку в руки.

– Ваши. – Догадалась Татьяна. – У почтовых ящиков нашла.

– Значит, время гостевать закончилось, – смеясь, резюмировал я.

Поблагодарив за чай, я попрощался с Таньшиной и пошёл домой.

Глава седьмая

Думы. Боева опередили. Волшебник

Ключами я не стал пользоваться, из вредности позвонил. Дверь открыла жена. Войдя, я попробовал с ней поговорить, но она и слушать меня не стала, ушла спать.

«Смешно», – сказал я в сердцах, – «пришёл и стал умолять Галину, которую не люблю, о том, чтобы она со мной помирилась. Спрашивается: „зачем?“. Ведь с того момента, как родилась дочь, все мечты только о том, чтобы с ней поскорее расстаться. А теперь, когда она сама меня гонит и грозит разводом, вместо того, чтобы поклониться до самой земли, унижаюсь, извиняюсь, лезу в петлю. Ну, что я за дрянь человек. Ну почему мы совершаем такие необъяснимо глупые поступки? „Привычка свыше нам дана, замена счастью она“».

Я, конечно, тоже не подарок, но Гордеева с самого начала нашей совместной жизни утратила чуткость, если таковая и была, эмоционально огрубела и не подпускала меня к себе, как супруга, опасаясь «подцепить заразу». Хорошего же мнения она обо мне была. Вскоре выяснилось, что у неё есть любовник. Тогда же я поймал себя на мысли, что ничуть не огорчился этому факту. «Да, я обманываю Сергея и не считаю нужным это скрывать», – говорила Галина, подвыпив за семейными торжествами. Но к её откровениям никто в моей семье серьёзно не относился. А если быть до конца откровенным, то серьёзно не относились к ней самой, считая недалёкой, повёрнутой на идеологии. Галя была у нас в семье единственным членом КПСС и вплоть до роспуска партийной организации работала в райкоме комсомольским функционером, заведовала отделом учащейся молодёжи и студентов. В её ведении были все школы, техникумы и институты, находящиеся на территории нашего района. Она проводила парады, слёты, семинары и прочие мероприятия. После роспуска КПСС и закрытия райкома перешла на работу в туристическую фирму «Спутник». Чем она там занималась, что возглавляла, – этим я не интересовался. Мы с Галиной жили автономно, практически с того момента, как родилась дочь. У Гордеевой была своя компания, свои друзья, у меня – свои.

Женился я рано, больше по просьбе Галины. Учась в педагогическом институте, она тогда уже задумывалась о партийной карьере и нуждалась в наборе необходимых вещей для правильной характеристики, где бы отражалась её безупречная комсомольская работа в школе и в вузе, замужество и наличие здорового ребёнка.

На жену за время совместного проживания у меня накопилось много обид. Не прошло без занозы в сердце и то, что при регистрации брака демонстративно, без предварительного обсуждения, она отказалась брать мою фамилию, оставив свою. Но были две главные, гвоздями сидевшие в мозгу и ни на секунду не дававшие покоя.

До появления ребёнка в нашей семье царило равноправие. А родив дочку, жена почувствовала себя, что называется «старшей по званию». В самых что ни на есть мелочах, стало сквозить: «Помни, сопляк, ты в жизни ничего ещё не сделал, а я уже совершила геройский поступок». Появление на свет Полины Гордеевой записала исключительно на свой счёт. Такое положение вещей не могло меня не раздражать.

После родов от своей значимости и величия у Галины настолько закружилась голова, что с нами чуть не случилась беда. Дочке было три месяца, мы всей семьёй отправились на рынок. Сделали покупки, стали возвращаться домой. Я нёс в обеих руках сумки, жена шла, толкая перед собой коляску с ребёнком. Подошли к пешеходному переходу через дорогу. На светофоре – красный свет. Вместе со всеми стоим, ждём зелёного цвета светофора. По проезжей части на всех парах несётся грузовая машина, огромный самосвал, с верхом гружённый щебнем. И вдруг Галина, заметив включившийся зелёный свет, молниеносно выкатывает коляску с ребёнком на «зебру» перехода. Мне даже показалось, что она сделала это чуть раньше, когда ещё горел красный свет, и просто просияла, когда зажёгся вдруг зелёный. В таких случаях

говорят: «бес подтолкнул». Хорошо, водитель был внимателен и реакция его не подвела. Да тормоза у МАЗа оказались исправными. Все, видевшие это, так в голос и ахнули, не сомневаясь, что являются невольными свидетелями неминуемой страшной трагедии. Ахнули, да так и замерли, оставаясь стоять на тротуаре даже тогда, когда вовсю горел зелёный свет. Кроме меня никто не решился вместе с ней пересекать дорогу. Все постарались дистанцироваться от столь безответственного, если не сказать, безумного человека. Всё это можно было прочитывать на их лицах. Даже после того, как грузовик остановился, никто из случайных свидетелей не сомневался в том, что вот сейчас что-нибудь нехорошее с этой странной женщиной и её ребёнком случится. В этой звенящей тишине Галина визгливо крикнула: «А что? Зелёный свет горел, имею право!».

Но не на это я осерчал. Жена потом ещё целый год рассказывала, как грузовик чуть не сбил её с ребёнком, мчась на зелёный свет светофора и требовала от меня подтверждения этой лжи. То есть, все были виноваты, но только не она. Тогда уже в наших взаимоотношениях наметилась трещина, очень скоро превратившаяся в пропасть. Там, на дороге, я понял, что случись непоправимое, – Галина обвинила бы в этом всех, но только не себя.

И тогда же в голове впервые промелькнула мысль, что она не любит нашу дочь, следовательно, не любит и меня. Как-то разом глаза на всё открылись.

Ребёнок нужен был Галине как предмет, повышающий её статус в среде подруг и коллег по работе, как неперемное условие для успешной карьеры. А подвиг материнства она использовала исключительно как ступеньку, возвышающую её надо мной.

А вторая обида была такая. Как-то Галина при Вале Королёвой, стала беспричинно кричать на меня. Бедная соседка, от стыда за подругу вся красными пятнами пошла и, чтобы как-то урезонить Гордееву, заметила:

– Зачем ты так беснуешься? Не боишься, что Сергей тебя бросит?

– С ребёнком-то? – самонадеянно рассмеявшись, спросила Галина. – Это каким же подлецом надо быть? Сермягин, он, конечно, подлец, но я думаю, ещё не конченный.

Говорилось всё это при мне, на трезвую голову. И вся эта самонадеянность, командный тон, – то есть в любом случае, она будет не виновата, виноват буду я.

Тогда же при Королёвой жена мне заявила, что не хочет иметь со мной близости по той причине, что от половых сношений происходит передача вирусов, а что того хуже, может появиться на свет нежеланный ребёнок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.